



Дмитрий Моисеев

ОН и ОНА

Дмитрий Моисеев

ОН и ОНА

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8179157

ISBN 9785447400682

Аннотация

ОН и ОНА, увидевшие друг друга. ОН и ОНА друг друга обретшие. ОН и ОНА, себя потерявшие. Два полюса, два взгляда на историю одной неправильной любви...

Содержание

Начало конца: ОН	5
Начало конца: ОНА	53
Конец ознакомительного фрагмента.	84

ОН и ОНА

Дмитрий Моисеев

*Той, которую любил,
той, которую люблю,
посвящается...*

© Дмитрий Моисеев, 2018

ISBN 978-5-4474-0068-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало конца: ОН

...ОНА ушла навсегда...

Спешно и буднично, без театрального скандала или обывательского хамства. ОНА просто собрала чемоданы и упорхнула в пыльном направлении неизвестности.

От НЕЕ осталось мало, сущие объедки, да и малость эта уже принялась таять, плавиться в kloкочущем горле равнодушного времени, словно льдинка в gripпозной ладони или пластмассовый герой-солдатик на багряном полотне раскаленной конфорки. Лишь бирюзово-жасминный аромат духов «Мияко» да нервный росчерк карандашной записки: «ВСЕ КОНЧЕНО!!!» до сих пор пульсировали, подтверждали реальность ЕЕ недавнего присутствия в ЕГО никчемной жизни...

Сгорбленный и поникший ОН стоял посреди комнаты и курил, пытаясь осмыслить случившееся. Бело-красная майка с неровно обрезанными рукавами и прожженные во многих местах темно-фиолетовые шорты придавали мужчине черты бичеватости. Внешность дополняли небритость, криво отросшие ногти на крупных, костистых руках и грязно-угольные волосы, в которых белели хлопья перхоти.

По дому плавали мелодии Эннио Морриконе. Сигаретный дым следовал за творениями классика, ловя ритмы и невысказанные слова. Пепел падал на взлохмаченный ковер, при-

сыпал горькой серостью коду трагедии любви.

Мужчина ничего не замечал. Двойственные чувства оккупировали похмельный разум, переполненный детскими комплексами и амбициозным бредом взрослого слабака.

Расставание произошло настолько же внезапно, насколько и ожидаемо. Долгое время брели ОНИ к разрыву, не решаясь сделать заключительный шаг. Но вот произошло: ноги пришли в движение, и инициатором ходьбы оказалась ОНА. Этот факт застал ЕГО врасплох, неподготовленного ни к оперативным розыскам пропавшей, ни к затяжным словесным баталиям объяснений, извинений и уговоров.

Впрочем, образовавшееся положение вещей мужчине не задевало. В сущности ОН совсем не переживал, размазанный по состоянию полубуддистского, полуулыбчивого спокойствия. Мрачное пьянство четырех последних дней поддержало дрогнувший дух. Обмануло, в очередной раз подменив реализм осознания грубостью алкогольной иллюзии.

– Я брошен, брошен, брошен! – тем не менее повторял ОН и глубоко затягивался через обсосанный фильтр. Фраза скрипела, пережевывалась, пропадала... Снова, снова и снова...

ОН остался один, чего не случилось уже много лет. Подобное обстоятельство подразумевало действие, и мужчина, согласуясь с консервативным принципом «Проверенное – лучшее!», колеса решил не изобретать. ОН остановился на опробованной во всех направлениях тактике философ-

ствующего безделья. То бишь пил *еще больше* водки, закусывая лимонами, острым сыром и подсохшей колбасой. К ритуалу брошенности прилагались пельмени, но ОН категорически отказался кухарить. Вместо поварства наш герой удвоил и без того избыточную дозу никотина, отчего язык покрылся горькой корочкой шафранного цвета. Для развлечения ОН слушал печальную музыку, думал о счастливом прошлом и неистово страдал. Мужчина неоднократно прибегал к идиотическим методам решения проблем, но лишь в исключительных случаях обращал внимание на проявленную глупость. ОН был тщеславным и самовлюбленным малым. Конченным умником.

За окнами шевелилось потное тело городского лета. Крашенная ртуть термометра рвалась к вершине стеклянной тюрьмы, достигая на солнечной стороне сорокаградусного рубежа. Горожане побогаче благословляли кондиционеры и славил дувчики-вентиляторы. Менее обеспеченные довольствовались скудными подачками природы.

Распахнутые рты окон и квадраты форточек превратились в ловушки для ветра. Они напоминали о тоннелях в иные измерения, приманивали сквозняки, воров-домушников и цивилизованных птиц, не менее людей ошалевших от жары и частой автомобильной отрыжки.

Именно птица – шустрокрылый хулиган-воробей потревожил покой черноволосого «философа», который к этому времени перешел в стадию размышлений с табличкой «опья-

нение существенное»...

Воробьем двигали крайние обстоятельства. В ходе операции по разграблению одной богатой помойки пернатой братии достался крупный куш – полторы буханки белого, совсем еще свежего хлеба с поджаристой корочкой, обсыпанной наивкуснейшими кунжутными семечками. От такой добычи у любого поедет «чердачина», и наш крылатый герой исключением не оказался. Алчность возобладала над здравым смыслом, и воробей (в то самое время, как пятеро его «подельников» рвали на части полную булку) подцепил оставшуюся половинку и помчался прочь, рассчитывая на крепость мускулатуры и тренированное сердечико. Ограбленная шайка среагировала мгновенно. Птицы огласили окрестности громкими криками и бросились в погоню.

Вскорости летун пожалел об эмоциональном поступке. Белая полбуханка оказалась тяжела, как первородный грех из религии двуногих. Возмущенные подельнички заприметили усталость ворюшки и поднажали, чирикавая грязные ругательства и обещая свергнуть подлеца в полный цикл ужасов расплаты. В том, как неумолимо сокращалось расстояние, просматривалось скуластое лицо справедливого возмездия.

Воробью сделалось страшно, и он едва не врезался в горбатую спину фонарного столба. В последний момент ворюшка извернулся и пронесся мимо. Побег продолжался.

Похищенная половинка была давным-давно выпущена из клюва, но преследователи не поддались на очевидную

уловку. Окрыленные близостью негодяя, они целеустремленно летели за сладостью кровавой сатисфакции.

И вот, когда мицение казалось неизбежным, крылатый жадина собрал последние силы, закрыл глаза и юркнул в первый из открытых провалов, не побоявшись очутиться в гостях у двуногих повелителей мира...

Ошалевший от страха и спринтерских скоростей воробей ураганом ворвался в квартиру. Инерция едва не опрокинула пернатого мошенника, и он, натужно вытягивая крылья и тормозя крошечной грудкой, совершил три полных круга.

Круги под номерами четыре и пять птица выполняла уже с наслаждением, кайфуя от гневного гомона недовольных преследователей. Пятерка подельников побоялась проникнуть во внутренности человеческого жилища, покружила около окна и с гиканьем умчалась прочь, на поиски новой добычи и приключений.

В свете возникших обстоятельств брошенные полбулки с кунжутной корочкой стало даже немного жаль. Воробей чирикнул комбинацию крепких матюков. Эйфория спасения подходила к концу, и он вновь почувствовал страх. Перекочевав поближе к форточке, воршика уселся на пластиковую перекладину, готовый при малейшей опасности рвануть навстречу свободе.

Однако опасности не предвиделось. В помещении витали странные запахи, звучала музыка, а за столом, подперев подбородок широченной ладонью сидел одинокий человек:

Мужчина. Еще юный, но уже порядком поживший. Высокий, но худой, гибкий, но сутулый. Черноволосый и сероглазый, с горбатым носом и длинными пальцами, из которых четыре были давным-давно поломаны, а два — нещадно изрезаны. ОН — взрослый человек, образованный и не глупый, что оказался малодушен и слаб. Что до сих пор не определился с целями на жизнь и жизненными приоритетами, касалось это карьеры, семейных отношений или занимаемого положения на GPRS-навигаторе Бога. ОН — человек-никто — НЕМО, мнящий себя персоной исключительной и чрезвычайно интересной. ОН — человек простой до безобразия и более никому не нужный. В том числе — себе самому...

Пернатый воршика ничего этого не знал. Птица видела лишь очередного представителя породы двуногих гигантов, заполонивших и запачкавших некогда общую планету. Нелогичных существ, чьи разрушительные амбиции подвергали опасности все живое сообщество Зеленого Шарика...

В этом момент черноволосый человек увидел гостя, приветливо помахал огромной ладонью, поднялся и пошатываясь направился к «наседу». Воробей не стал испытывать судьбу во второй раз и метнулся на волю, навстречу ветру и жаркому городскому солнцу...

Летуну было невдомек, что через три с половиной дня он погибнет от выстрела малолетнего фанатика «воздушек» — одиннадцатилетнего шалопая Петеньки Бромова...

Птица исчезла. ОН протер глаза и по-собачьи потряс го-

ловой.

«Почудилось», – подумал черноволосый и вернулся к возлияниям.

Сколько продолжалась война со спиртами, доподлинно неизвестно, но водки оказалось больше, чем колбасы. ОН проиграл схватку, реинкарнировал в состояние отупевшего полутрупа и двинулся на поиски приключений. Разноплановые чувства, властвовавшие в тот миг над сумеречными чердаками черноволосого сознания, находились в полнейшем разладе со здравым смыслом. ОН ничего не соображал, но какой же пылкой, какой обжигающе-страстной сделалась жажда смерти! Мечта распроститься с жизнью, мольба о холодном забытье последнего поцелуя делали мужчину похожим на романтического юнца, эдакого Ромео, что наконец-то узрел в реале объект ночных вожделений. По совокупности пьяных сил взрослый юнец стремился *немедленно* познать тайну слияния. Цена не имела значения. Желание пропорционально равнялось уничтоженному спиртному, но воспринималось с неподдельной серьезностью непонятого миром поэта.

Приключения ждать себя не заставили. Недаром сказали древние: «Ищущие да обрящут!» Так и ОН, петляя по темным лабиринтам дворов, обрел искомое в образе глупых и наглых патрульных ментов...

ЕГО остановили и потребовали документы. ОН нагрубил, ЕМУ нахамили в ответ. ОН сжал кулак и и двинулся на обидчиков. Менты двинулись навстречу... Полный набор ночного авантюриста включал крики, маты и пинки, а также удары, толчки и зуботычины. Прочие подробности благополучно почили на могильниках пьяного сознания. Достоверно можно сказать лишь одно: Было до боли весело!

ОН очнулся дома, на любимом полосатом диване, растворенный в кинжально-острой тишине одиночества. Как, когда и каким образом состоялось возвращение в квартиру, навечно останется тайной. События всех последних дней, впрочем, тоже.

«Если взять во внимание значение таких важных критериев, как... Стоп! Хватит! – ОН категорично обрубил идиотский анализ. – Блядь буду! Какие к чертям собачьим выводы?!»

Настенные часы тикнули и пробили девять утра. На электронном календаре высветилась ленивая суббота августа. За немытым окном набирал силу новорожденный день, обещающий новую жару и сердечные приступы. Истошно сигналили автомобили, стараясь обогнать неназванных соперников в очередном раунде необъявленного соревнования.

Жутко болела голова. Сбитые костяшки рук саднили, на щеке пламенела устрашающая ссадина. Под правым глазом переливался оттенками желто-лилового колора убедительный фингал. Тело ломило, словно на нем ночь напро-

лет отплясывали твист молодые газели и бодливые антилопы. Над переполненным мусорным ведром кружились жирные мухи. В помещении бродили запахи кислого запустения.

ОН перевернулся на другой бок и вздохнул. В душе медленно разрасталась тоска. После жестоких пьянок и последующих приключений мужчина непременно испытывал мерзкое чувство опустошенности. В такие дни ОН воспринимал себя никчемной и грязной пустышкой. В такие моменты ЕМУ совсем не хотелось жить. Беда заключалась в том, что пьянство и вытекающее из сего мероприятия похмелье повторялись практически ежедневно, на протяжении последнего года жизни. Причиной данного безобразия было... Да много что было!

ОН бестолково валялся на диване, разглядывал невинную белизну потолка и, наконец, пришел к выводу: «Плохо ВСЕ!» По старой, отложившейся в подсознании привычке, крикнул ЕЕ. Черноволосому ответила тишина. ОН перекатился на другой бок, ухмыльнулся и подумал:

«Все верно. Ты один, а вокруг – *ни-ко-го*. Разве это проблема?! Ты мечтал быть один, неоднократно утверждал подобное. Ты давным-давно задумал расставание, утвердил данное положение в качестве единственно возможного выхода. Вот, свершилось! Ты получил одиночество, добился, чего хотел. Твое желание исполнилось, как будешь жить дальше?».

Невысказанный вопрос завис в воздухе. ОН повторно

вздыхнул и перелег на другой бок. Кольнула печень, мужчина ругнулся, однако положения не поменял.

Прошло семь, девять или одиннадцать минут. ОН лежал и курил, выдыхал дым носом и пускал рваные кольца. ОН думал о желаниях. Об опасности, связанной с их возможной реализацией. С формами, что они принимают, и проблемами, из них проистекающими. ОН лежал, и ему было плохо.

Через некоторое время головная боль обернулась форменной пыткой. ОН, кряхтя и по-стариковски скрипя суставами, вынуждено поднялся. Возле кровати, композицией в стиле декаданс валялись рубашка, пиджак и брюки. Состояние одежды не давало усомниться в веселости прошедшей ночи.

«Хоть в этом без изменений!» – возникла саркастическая мысль и умерла, оглушенная хлестким хуком похмелья.

Пошатываясь, ОН пошарил по карманам и с радостью обнаружил выводок замызганных, но пригодных для использования купюр. Дрожащими руками мужчина пересчитал деньги. Сумма успокоила, протрубив ликующий гимн продолжения пьянства. На душе полегчало, ведь розыск денег на похмельную голову казался равнозначен попаданию в хищные лапы средневековой инквизиции.

Мужчина прошел в уборную, вымыл лицо, ноги и уши. Понюхал подмышки и щедро набрызгался дезодорантом. Зарулил на кухню и хотел сварить кофе, но лень, – главный грех человечества, оказалась сильнее желания. ОН взял со стола

початую бутылку и глотнул теплой минералки без газа. Жидкость освежила, но через секунду ЕГО едва не вывернуло. ОН проплевался, прополоскал рот и вернулся в комнату.

В шкафу отыскалась свежая одежда. Мужчина натянул шмотки и обреченно, точно кандалный каторжник на пути из Петербурга в Сибирские Руды, побрел в ближайший вино-водочный лабаз.

Девять часов сорок семь минут. Утро, суббота, лето, выходной. Небо, лазурное и опрятное до степени совершенства, предвещало новую серию пекла и пота. Промышленный сибирский город в отвратительном блеске урбанистической красоты. Двор дома, претендующего на элитарность. Разбитый асфальт, поломанные цветники и критическая концентрация мусора на квадратный метр муниципальной территории. Никому нет дела до творящегося хаоса! Всем наплевать и в буквальном, и в фигуральном смысле. Граждане заняты собой, личными проблемами и насущными делами. Все как всегда и везде. Россия по сути! Миниатюрная, лубочная и карикатурная. Неухоженная и чумазая Святая Русь!

На обшарпанной лавочке, около обгоревшей голубятни потерянных расцветок расположилась группировка местных алкашей. Птичек давным-давно то ли съели, то ли выпустили на вольные крошки. А может они погибли от кислотных дождей, оголодавших кречетов или куриного гриппа?! Один голубиный бог знал ответ, но привычно молчал. Голубятня пустовала, и предприимчивая алкашня устроила на осво-

божденной площади натуральный бизнес-комплекс.

Во владении пьяни имелся склад для хранения-приема пустых бутылок, ночлежка класса «Элитный попрошайка», а также шикарный офис, как минимум уровня «В». Дела велись грамотно, и карманы бухариков оттягивала полновесная монета. Однако сейчас, отдыхая душой от тяжести трудовых подвигов, «бизнесмены» совершали молебен.

Высокий, взъерошенный старикан с лицом языческого жреца разливал в пластмассовые стаканчики мутное пойло. Священный сосуд – двухлитровая бутылка из серого пластика дрожал в слабосильных руках лохматого гуру. Два адепта древнего культа с прозаическим названием «Пьянство» зачарованно смотрели на льющуюся жидкость. Взгляды алкашей, затуманенные и полубезумные, попеременно выражали страх, любованье и восторг. Состояние, аналогичное молитвенному экстазу, вычеркивало современных культистов из списка разумных существ.

«Плохо вам, бедняги?! Ничего, будет еще хуже! Только поймете вы это слишком поздно, по причине дибелизма!»

Он с отвращением рассматривал священнодействующего жреца, послушников и предмет варварского верования. Старикан закончил наполнение, и алкаши приложились к кубкам. Волосатые кадыки задвигались с ритмичностью работающих поршней: вниз-вверх, вниз-вверх, вниз-вверх. Отточенные до микрона движения потрясали! Подобным образом с огненными жидкостями работали лишь профессио-

нальные пьяницы и герои советских анекдотов.

Первым, подтвердив высокий духовный сан, опустошил бокал патлатый жрец. Шумно выдохнув он крякнул, подхватил с бумажной тарелочки пупырчатый огурец и смачно захрустел. В серых глазах, подернутых мгlistой пеленой наслаждения, читался восторг. Парочка собутыльников с полусекундным опозданием присоединилась к лидеру.

Зрелище, великолепное в своей гадости, наполнило душу черноволосого желчной тоской, а печальная злость забарабанила во временно заколоченную дверь разума.

«Насколько же безобразны люди! Как плотно завязли они в трясине собственного падения! – думал ОН, но тут же одергивался. – А чем ты лучше?! Избитый и небритый, помятый и грязный, точно безмозглый архар прешься в магазин за опохмелькой! Ты сам – давний адепт пьяного учения, и разница меж вами не столь велика! Ты лишь незначительно богаче, но ваше положение на ступенях финансовой лестницы разница парой ступенек! Да, они пьют вонючую сивуху, а ты способен купить шотландский виски или армянский коньяк. Но скоро эти обстоятельства сотрутся. Ты сам их стираешь, упорно и методично, как повернутый на самоликвидации невротик! Закуси жало и помалкивай в тряпочку!».

ОН обладал потрясающим умением приободрять себя (равно как и окружающих) в трудную минуту, а поддержание должного эмоционального градуса вообще входило в перечень ЕГО наиглавнейших способностей. Как правило, после

подобных самовнушений становилось противно и хотелось блевать. Поэтому, дабы еще сильнее не «разваливать мозги», ОН отвернулся от медитирующих культистов и ускорил шаг по направлению цели утреннего вояжа.

Магазин был удивительно чист, ангельски светел и прохладен. Немногочисленные покупатели сосредоточено рассматривали товары, по-снайперски приценивались и перекидывались ничего не значащими фразами.

«Скорее, скорее. Сделать покупки и вернуться домой. Скорее домой!» – думал мужчина и заметно нервничал.

В последние годы присутствие людей вызывало в черно-волосом неуверенность, временами переходящую в панику. В наибольшей степени чувства проявлялись при похмельных обстоятельствах. После крупных возлияний мужчине чудилось, что окружающие весьма и весьма заинтересованы ЕГО скромной персоной. Что они наблюдают за каждым шагом и выдумывают разную херню. Ожидают ошибки, повода для насмешки. Мерзкое состояние уходило лишь вкупе с принятыми дозами пива, коньяка, водки или другого градусосодержащего пойла.

Этим утром все происходило в рамках устоявшейся схемы. То один, то другой магазинный клиент останавливался и хмуро поглядывал на черноволосого. На равнодушных лицах расцветали гримасы брезгливого недоумения:

«Кто пустил сюда этого алкоголика?! – казалось, думали они. – Почему мы должны делить пространство с этим гад-

ким человеком?!»

В реальности людей не интересовала личность мужчины. ЕГО мозг — разрушенный пьянством и придавленный самоуничижением выдавал желаемое за действительное. Параноидальное воображение и вера в значимость своего «Я» рождали еще один комплекс, прикрепляя его к длинному списку имеющихся маний и шизофрений.

ОН торопливо пошарил в холодильнике и взял упаковку чешского баночного пива. Подумал семь секунд, настороженно оглядываясь по сторонам в поисках ухмылок, и прихватил еще одну. На соседних полках отыскал пакет разномастных орешков, копченый сыр, три пачки американских сигарет и китайскую зажигалку. Зажигалку – непонятно для чего. Дома, в кармане грязной рубашки отдыхала серебряная «Zippo» с витиеватой гравировкой, полностью заправленная и прочищенная. ЕЕ подарок.

«Любимому и единственному! Мы всегда будем вместе!» – гласила наивная вязь готического шрифта.

Вчера, под грузом огненных вод, ОН дал зарок отправить зажигалку на помойку, но так и не исполнил обещанного. Хотя и не пользовался презентом.

Мужчина с легкостью давал маленькие клятвы и столь же просто забирал обещанное обратно, демонстрируя нежелание бороться до победного конца. Даже в мелочах. Даже сам с собой...

Очередь, что радовало двигалась быстро. Молоденькая,

пухленькая продавщица походила на розового поросеночка из голливудских мультиков. Ее хотелось тискать и мять. Рассчитывая за покупки, она улыбалась призывно и томно, словно спрашивала:

«Трахнешь меня?! Забирай оптом! Я твоя от макушки до пяток!»

ОН ощутил жжение в чреслах, хотел оскалиться в ответ, но увидел в зеркальной витрине измученное лицо и передумал. Лицо, а вернее рожа, было ЕГО исторической собственностью. ОН вздохнул, скомкано поблагодарил торговку и поспешно вышел.

День набирал обороты. Пели птички, гуляли дамы с собачками и барышни с колясками. Легкий ветерок шуршал листьями тополей и акаций. Яичные одуванчики ритмично покачивали лохматыми головками. Мимо пронеслась орущая ватага семи-восемилетних мальчишек, за которыми с трудом поспевал круглощекий и плачущий четырехлетка. На заборчике вальяжно загорала рыжая кошка. Солнечное око приветливо улыбалось земле, зверям и людям. Создавалось впечатление прекрасного и гармоничного, удивительного во всех проявлениях и формах, блаженного и немного сказочного мира. Лишь одно темное пятно нарушало установившуюся идиллию. *Этим пятном был ОН сам.*

«Прекрасный мир, чудесный день, милые люди... Как все это... противно!» – мрачно подумал мужчина, плюнул и поплелся домой. Харчок прилип к бульвару смачным клеймом

торжества пессимизма.

Прелестные красоты приводили в бешенство, а пасторальная идиллия отзывалась в душе жгучей ненавистью. ОН был инородным телом, чуждым миру существом. Состоял из элементов, необозначенных в таблице Менделеева. ОН болел с похмелья, и происходящее сводило черноволосого мужчину с ума.

Некстати вспомнилось, как часто, после пьянок и нелепых куражей, ОН возвращался домой. Час ночи, два, три, пять... Неважно! *ОНА ждала всегда.* Пленительно-милая и мягкая, ласковая и нежно-любимая женщина. ОНА целовала ЕГО, а в ответ слышала лишь невнятное, матерное бурчание.

ОН вваливался в чистую квартиру и пластался на диване, даже не удосужившись сбросить обувь. Девушка присаживалась у изголовья, гладила ЕГО сальные, грязные волосы и чему-то, известному только ЕЙ одной, печально улыбалась. ОНА произносила банальные фразы, но они успокаивали, изливались на душу целебным бальзамом внимания и трогательной заботы.

ОН начинал оправдываться, присовокупляя к оправданиям жалобы. ОН требовал еды, но из предложенного ничего не ел. ОН клянчил чаю, кофе или кефира, но не пил, а вместо этого вымогал пива, вина или водки. Иногда, выходя за рамки приличия, – устраивал дикие сцены, обвиняя подругу в общих проблемах и личных ошибках, влекущих поражения и головные боли. ОН был отвратителен и жалок,

но не замечал глубины собственного падения.

ОНА, практически всегда, после слабого, чисто формального сопротивления соглашалась с черноволосым. Сильная, но любящая женщина. ОНА избегала ссор и предпочитала уступить, нежели вставать в позу и развивать бессмысленный конфликт. Эта женщина, – зеленоглазая, молодая и умопомрачительно красивая была не по годам рассудительна и мудра.

Жаль, что подобное поведение по прошествии времени переключалось в категорию исторических хроник...

Тогда же все заканчивалось сексом, таким же грязным и сальным, как и ЕГО черные волосы. Побледнев от испуга, ОНА стонала и жалобно просила прекратить. ОН же не останавливался, получая от происходящего безобразия, дикое, извращенное удовольствие. Половина смертных грехов – *жадность, гордыня, сладострастие* ядовитым бульоном кипели в тот миг в недрах ЕГО ополоумевшего существа. Вкус безграничной власти, беспредельного обладания *такой* женщиной. В такие моменты ОН ощущал истинно сатанинское могущество. Превращался в животное. Оскаленного вивисектора, рвущего когтями трепещущую и живую жертвенную плоть. В такие моменты ОН *был* зверем! Думающим и одновременно безумным...

«Грязный грубиян или грубый грязнуля?! Грязные волосы, одежда, мысли, поступки... Грязная душа, черное сердце... Неужели это все я?!» – вспоминал мужчина с тоской

и прикладывался к баночке.

Алкогольные упражнения навевали меланхолию и сплин. ОН медленно терял эмоциональный контроль, становился лиричен и слезлив. Ледяною волной нахлынула жалость. Захотелось расплакаться, точь-в-точь как в детстве, когда мальчишки из старшей группы детсада разломали любимую игрушку. Или когда однажды, бежав в потемках с горки, ОН врезался горлом в натянутый металлический канат, долго рыгал кровью и чуть не помер от страха.

Оставаясь верен себе ОН кисло всплакнул, периодически прерываясь на вливания в шершавую глотку горького, как утрата, темного пива. Тихое отчаяние владело правами на нежность ЕГО сердца, а идиотизм ситуации не поддавался объективной оценке. Ревущий в пьяном бреду мужчина выглядел, по меньшей мере, комично...

В подобной бесполезности прошел час и семнадцать минут. Вдруг резко, аналогично множеству моментов из прошлого, черноволосому надоело страдать. Каждая приконченная, жестоко смятая и отброшенная в угол банка заметно улучшала душевное состояние. Тоска и похмелье отпускали, растворяясь в градусах и иллюзиях.

ОН включил музыку, уселся на подоконник и оживленно болтал ногами. Курил, ронял пепел и хрустел солеными орешками. Подобно дзэнскому мастеру медитации, мужчина перенастраивал душевное состояние на новую волну. Разница заключалась лишь в источнике успокоения, но черново-

лосый не ощущал принципиальной разницы. Разве так важно: добился ты желаемого запредельным усилием воли, одержав победу в жестокой битве с собою или хитро обманув разум водопадом отличного портера?! Важен лишь результат! Ведь теперь все казалось предельно ясным, обнажено-прозрачным и немного забавным.

«Ушла да и ладно! – думал ОН, хмыкал и пил. – Найду другую! Вон их сколько, одиноких, хорошеньких девочек, белугой ревущих от нехватки любви и ласки. Пойду и найду другую! Хотя бы ту, пухленькую, из магазина. Вспомни, как она на тебя смотрела! Сразу видно, что одна и хочет пороться, как мартовская кошка. Я – нормальный парень. Так неужели останусь без партнерши?! Да только, если сам захочу одиночества!»

В тот миг ОН всерьез так думал. *Верил* себе на сотню процентов! Спиртное до неузнаваемости исказило чувство реальности. Музыка настраивала на нужный лад. Мир, облаченный в розовые одежды пьянства, принял простые и понятные очертания. ОН более не сожалел о произошедшем, находя вынужденное одиночество достаточно удобным и выгодным. Все больше погружаясь в самообман, мужчина утверждался в том ложном обстоятельстве, что ЕЕ неожиданный уход произошел по ЕГО собственному желанию. В очередной раз прибегнув к самообману, ОН добился желаемого. Проиграл, но пропустил момент падения...

Пиво проваливалось в глотку, сознание мутнело. Мужчи-

на собрался в магазин, прикупить чего-нибудь выпить и перекусить, а заодно – забрать пухленькую девчонку-продавщицу. ОН сконструировал планы на вечер и ночь, но двенадцать банок чешского темного сделали свое черное дело. Верно подметил народный мудрец: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь!»

Так и ОН, спрыгнув с подоконника, покачнулся, нелепо взмахнул руками, крутанул пару балетных па и запнулся о кресло. Полет «ласточкой» на три метра, кувырок через голову и жестокое приземление! Воздух со свистом вылетел из легких. В животе кольнуло и дважды булькнуло. ОН преболно ударился, отбил копчик, локоть и пальцы рук.

Мужчина лежал на спине, постанывал и безбожно ругался матом. Слова выплевывались из окровавленного рта со злобным шипением расшвирипевшей гюрзы. ОН одновременно прикусил щеку, губу и язык. Во рту ощущался солоноватый и дурманящий привкус собственной крови.

ОН поднялся и, продолжая шипеть, покачиваясь добрался до любимого полосатого дивана. Мебель безмолвно приняла рухнувшее тело, что моментально уснуло мертвецким сном обыкновенного пропойцы.

Ему снился сон...

ОН свободен, легок, как перо фламинго. ОН парит в бескрайней бездне, что с бешеной скоростью несется сквозь

пустоту в ореоле звездных скоплений и туманностей. ОН слышит голоса космоса, вдыхает чуждые запахи, ощущает прикосновения материи и времени. Настоящее, прошлое, будущее... Все подвластно ЕГО пониманию! ОН вгрызается в тайны мироздания и жадно поедает смысл бесконечности. Беспорядочным калейдоскопом загораются перед НИМ картины сокровенного. ЕГО взгляд пьет эту фантастическую и величественную мазню. Полотен много, но одно из них поражает особо, раскаленной иглой пронзает сознание и формируется в четкий, осмысленный образ.

Светящаяся женищина безмятежно танцует в антрацитово-черноте межзвездного пространства. Узкая площадка из серого камня плавно покачивается под ее эфирными шагами. Возвышенные и утонченные черты лица танцовщицы скрывает венецианская карнавальная полумаска. Под пучками невидимых волн они растекаются и дрожат, уподобляются изменчивой поверхности горной реки. Детали ускользают и плывут, словно прячутся от чуждого, недоброго взгляда. Но ОН не может ошибаться! Из тысячи, миллиона, миллиарда женищин ОН безошибочно узнает танцорку! Это — ОНА...

Блестящая кожа девушки отливает серебром и перламутром. Чарующая и сказочно прекрасная, ОНА намертво приковывает взгляд и ни на секунду не дает оторваться от животной магии происходящего.

ОНА полностью обнажена. Лишь невесомый газовый

шарфик белоснежной змеей обвивает элегантную шею, высокую грудь с крупными, розовыми сосками, плоский живот с полумесяцем пупка и загадочно теряется между стройными ногами поразительной длины. На правом бедре пламенеет маленькая родинка в форме листа ирландского клевера. Женщина грациозна и печальна.

ЕЕ танец — таинственный и волшебный, беспорядочный и строгий, резкий и мелодично — плавный отражает само естество вселенной. В хаосе упорядоченных движений сливаются восток и запад, север и юг. Сливаются единства и противоположности. Сливаются конец и начало, свет и тьма, добро и зло, ненависть и любовь... ОНА улыбается, но скорбь и горечь заключена в милой улыбке!

ЕМУ хочется кричать, до предела напрягая гортань, раздирая на дрожащие лоскуты голосовые связки! От жалости и боли, от бесконечной нежности и стыда, от любви и страха... ОН чувствует, как сходит с ума, превращается в болезненного, слюнявого безумца! ЕЕ улыбка похожа на скальпель хирурга, что разрывает мужчине сердце...

ОН вопит и воеет, хрипит и мычит, но ОНА будто не слышит, продолжает бесконечный танец Вселенной...

И это длится вечно... И это продолжается миг...

Из темноты возникает рыжеволосый незнакомец, одетый в серый камзол из шотландской шерсти, мятую фет-

ровую шляпу и высокие кавалерийские ботфорты. Руки, затянутые в золотые парчовые перчатки, покоятся на эфесе длинной шпаги из испанского города Толедо.

Незнакомец не подходит, а подплывает, подлетает к танцовщице и протягивает руки. Одно движение, и он вливается, вклинивается в ураган ЕЕ движений, гармонично заполняет собой пустоту, существовавшую не более секунды назад...

Теперь они танцуют вместе!

Женщине симпатичен партнер. ЕЕ взгляд, ЕЕ движения и жесты, ЕЕ запах... Каждый компонент утверждает о жгучем желании, о стремлении к близости, о жажде плоти и лавоподобной страсти. ОНА то прижимается, то игриво отстраняется. Завлекает и дразнит. Рыжій чувствует обстоятельства. Он смел и весел. Он готов к продолжению и начинает приставать к танцовщице. Жадные золотые руки бесстыдно шарят по прелестному телу, оглаживают округлости и изгибы...

ОН бешено ревет и порывается броситься на соперника, но движения теряют силу, замедляются, становятся тягучими и вязкими, как патока. ОН ощущает себя мухой, залипшей в сладком кленовом сиропе! ОН может лишь наблюдать, в бессильной ярости прокусывая губы и захлебываясь собственной кровью...

Незнакомец продолжает ласкать танцорку, и та охотно отвечает, выгибаясь и постанывая от наслаждения. ОНА готова на все! Любая прихоть, любое желание и каприз рыжеволосого будут исполнены с охотой и радостью...

Вдруг что-то неуловимо меняется. Дрожь пробегает по спине незнакомца, и он резко отталкивает танцовщицу. Женщина неуклюже падает. Молниеносным движением рыжеволосый обнажает шпагу. Клинок злоеце сияет, подсвеченный изнутри мрачным багровым огнем. Лазурные искорки юркими змейками пробегают от изукрашенного драгоценностями эфеса до жалообразного острия. Незнакомец небрежно отводит руку, размахивается и... изо всех сил вгоняет шпагу между влажных от предвкушения близости бедер женщины! Стон сплетается с хрустом. Брызжет карминовая кровь. ОНА кричит, но это не крик боли, а вопль удовольствия...

Еще, еще и еще! Глубже, еще глубже, до конца! Клинок тверд и красен от крови. Он проникает в плоть по самую рукоять. ОНА захлебывается воплем и откидывается на серые камни плиты. Незнакомец подходит к поверженной танцовщице, презрительно смотрит, склоняется. Рука в золотой перчатке срывает с ЕЕ лица измятую полу маску.

Глаз нет... На их месте зияют два бездонных провала, сочащиеся черными и смолянистыми, тягучими, как деготь слезами. Из промежности женщины бьет фонтан густой, алой крови...

*Пустота заполняется запахом корицы и жасмина...
ОН дергается, кричит...*

ОН проснулся от холода, что пронзал до начинки костей, наплевав на лето и духоту прокуренной квартиры. Капли пота рваным ожерельем покрывали лоб, в горле скрипела сухость пустынь, а вопли мочевого пузыря были способны перепугать до икоты половину квартала.

Мужчина вскочил с дивана, смерчем пронесся в уборную и с наслаждением помочился. Открыл холодную воду, сполоснул руки и лицо. Шумно прочистил нос и хорошенько обтерся полотенцем. Еще не до конца проснувшийся, но несказанно довольный, ОН прошел на кухню, распахнул дверь холодильника и достал коробку нежирного кефира.

Зеленые электронные часы пропикали четыре. ОН сидел на подоконнике и глотал кефир из высокого богемского бокала. Мелко дрожали руки. Черноволосый нервно курил и пытался собрать в кучу расползающиеся мысли. Увиденный сон, подобно бугристому рабскому тавро, намертво пропечатался на шероховатых стенках сознания. В душе надоедливой осенней моросью висела тревожная муть.

«Что это может означать? – думал ОН, попеременно прихлебывая и затягиваясь. – Можно ли верить снам? Сколько в них правды, а сколько лжи? Да и вообще, что, собственно говоря, было показано?! Ерунда, мелочи! Вполне возмож-

но, что сон правдив. Да, ОНА где-то и с кем-то встречалась. Возможно, встречается до сих пор! Возможно, уже живет! И, что?! Ты ведь *знал* об этом! Знал давно! Именно в этом заключалась проблема ваших отношений! Именно эта правда ежедневно убивала, высасывала капли твоей крови и крохи сил! Из-за этой жестокой правды ты и хотел расстаться! Хотел, но не мог. А ОНА смогла! ОНА собралась и ушла! Теперь твоя женщина *свободна*! Свободен и ты, но что тебе в этой свободе?! Что тебе в ней, если применить ее сомнительные дары нет ни сил, ни желания?»

Размышляя, ОН не стремился найти точных ответов или докопаться до сомнительных истин. Ответов не было, а истин не существовало. Риторические измышления давно превратились для черноволосого в привычку, непременный атрибут частых депрессий и добровольного заключения в тюрьме внутреннего одиночества.

Подгоняя результаты измышлений, ОН вел монолог, пытаясь приблизиться к набору сомнительных выводов:

«Можно воспринять сон, как данность. Можно – наплевать и забыть. Можно сломать голову, захлебываясь желчью и ревностью...»

Вырисовывалась банальная схема отношений к происходящему, но факт, равнодушная реальность не давал уйти от главного:

ОН в полном одиночестве и понятия не имеет, где в настоящий момент обитает ОНА...

Так мужчина и сидел. Чего-то ждал, до конца не понимая предмета ожидания. О чем-то думал, затрагивая лишь верхние мыслительные слои. Поглощал кефир, беспрерывно курил и забивал голову мерзкими картинками.

Измена, подлость, ложь, обман и фальшь фотографиическими слайдами вспыхивали перед глазами. Обрывки подслушанных фраз и куски странных разговоров. Необоснованные опоздания и обоснованные подозрения. Частые задержки на работе, мужские номера в списке вызовов мобильного телефона... Результаты проверок и проверки по результатам. Фотографии, видеозаписи, снимки... Много их набралось, но еще больше возникло из темной мастерской воображения, охваченного комплексами и убийственной ревностью...

ОН развивал, скручивал в плотный клубок нити реальных и воображаемых преступлений красавицы-зеленоглазки. ОН был жесток к себе и послушен чужой воле. Будто на левом плече вольготно расположился маленький, краснокожий чертик. Эта тварь держала в своей чертеньячьей жопке крючковатый пальчик, мерзко хихикала и шептала на ухо различные пошлости. Бурное воображение, – этот параноидальный порнохудожник, вникало в сказанное. Оно приступало к работе, яркими мазками набрасывало отвратительную череду гадостных сцен.

Галерея росла. Сердце усиливало ток крови, с неистовым бешенством колотило по ребрам, будто желая разломать

ненавистную костяную тюрьму. Несколько раз мужчина прорывался включить компьютер и взглянуть на свою *коллекцию*. Сдерживался. Сидел, курил и пил кефир. Чувствовал, что сходит с ума, но был неспособен остановить поток переживаний.

Поэтому, дабы реально не съехала крыша, ОН решил действовать.

В истрепанном блокноте отыскался номер старого, еще дошкольного друга Андрюхи Потроха. Много дел они переделали в свое время! Много выпили водки, выкурили разной дряни и перетрахаили красивых девок. Много раз поддерживали и помогали друг другу, подставляли головы под «молотки» и сами забивали до состояния кровавой каши врагов и недоброжелателей. Вместе занимались боксом, делились последней сигаретой, сокровенными тайнами и мечтами. То бишь были настоящими друзьями...

Но неумолимо движение времени! Выросли детки, разлетелись по миру в поисках счастья и сомнительных подарков судьбы. ОН окончил одиннадцать классов и благополучно поступил в университет. С головой погрузился в учебу, завел новую компанию, а главное – *встретил ЕЕ*. Стал серьезен и занят. Отучился, получил диплом и нашел работу (хотя с последней так окончательно и не определился, меняя рода и виды деятельности, как неразборчивая бабенка меняет надоевших любовников). Словом, превратился во взрослого прагматика, обремененного делами, семейными проблема-

ми и маленькими домашними радостями. Во всяком случае, изо всех сил стремился к подобному существованию, почти прекратив *мечтать*.

Путь Андрюхи не отличался прямоотой. Бесшабашный и несерьезный, он так и не нашел подходящего места в жизненном соревновании. А может – вовсе не старался что-либо найти, абсолютно довольный беспечным бытием игрока, пьяницы и «кидалы». После школы Потрох поступил в «фаганку», откуда был вскорости изгнан за вымогательства, драки и анашу. Дело гадко пахивало тюремным сроком...

Андрюха, не расстраиваясь и не унывая, быстренько слинял в ряды российской армии. Под знамена сверхсекретного и элитарного подразделения – доблестного стройбата. Отслужив чуть меньше года, он с шумом загредел в дисбат за темную историю с пропажей обмундирования со складов воинской части. Поговаривали еще о перемешанном с мукой пакистанском героине и сломанной челюсти заместителя командира, бравого майора Вислорога...

В дисбате Потрох пробыл полгода, получив массу незабываемых впечатлений. Дерзкий, как танк Т-34, с крепкими кулаками и умением их применять, он ежедневно нарывался на грубость. В результате Андрюха заработал сотрясение мозга, пять переломов, многочисленные шрамы и дырку на месте переднего зуба. Вскорости в образовавшемся провале засверкала золотая фикса, отлитая из сережек ласковой женушки одного офицера.

По отбытии причитающихся Родине лет Андрюха вернулся домой, все такой же веселый, болтливый и беспечный. Лишь иногда, в сильном подпитии, он застывал, выпадал из реального мира, уходил в точку. В такие моменты взгляд Андрюхи, не выражая ничего, выражал слишком много. Это выглядело страшно, и никто не решался подойти к нему ближе чем на три метра. Оцепенение проходило, и Потрох опять становился собой. Вечный весельчак и оптимист, неспособный прогибаться под хлесткими ударами судьбы, а сам норовящий щелкнуть эту капризную дамочку. Или, хотя бы, плюнуть ей в суп!

Последнее время Андрюха перебивался случайными заработками, не брезгуя и преступлениями, будь то кидок подвернувшегося лоха или перепроданный грамм героина.

ОН не осуждал, но и не поддерживал старого друга. За последние годы они встречались лишь трижды. Катались на горных лыжах, отдыхали в сауне, ели шашлыки, пили, смеялись и с грустью вспоминали ушедшие времена бестолковой юности. Тепло расставались, всякий раз договаривались встречаться чаще, но терялись в бешеной круговерти повседневности.

Потрох жил вдвоем с мамой, Натальей Петровной, женщиной отзывчивой и доброй, но мягкой и неспособной дать хоть капельку благоразумия непутевому сыночку...

После пяти длинных гудков на противоположном конце провода подняли трубку. Прозвучал чахоточный кашель, а,

затем, вальяжное «алле». ОН поздоровался, и сразу же был узнан. Похоже, что Потрох искренне обрадовался звонку, стал весел и говорлив.

Звучала банальщина о здоровье, семье, общих знакомых. О жизненных планах, планах на вечер и убойном «плане» из солнечной республики Афганистан. Причем, совсем недорого и совсем без «палева»! Нужно лишь помочь в одном маленьком, незначительном деле. Даже не деле, а так, дельце...

ЕМУ было наплевать. Зная «кайфовые» наклонности приятеля, ОН подсознательно рассчитывал на нечто подобное, лишь бы избавиться от рвущей сердце пиявки-тоски! Готовый на любой, беспредельно рискованный гешефт, черноволосый не дослушал до конца, а дал уверенное согласие. Тем не менее Потрох изложил суть дела, вновь получил согласие и неопределенно хмыкнул в знак понимания. Что именно понял старый друг, ОН не знал, но парни договорились, что Андрюха заедет ровно в шесть вечера...

ОН вновь сидел на подоконнике. Уже закончился кефир, и мужчина пил черный кофе без сахара, дополняя горечь сигаретами, ожиданием и думами минусового характера. В голове прокручивался бред пустого монолога в пессимистических тонах:

«Ты опять взялся за старое. Ты петляющим зайцем долго бежал от него, а сейчас добровольно вернулся к прошлому. Как же ты жалок! Ты – тряпочная марионетка, подвешен-

ная за тоненькие ниточки, а кукловодом может стать практически любой, самую малость значимый для тебя человек. Ты слишком управляем! Нет, не правда! Впрочем, плевать!!! Пусть все будет, как будет! Что там говорят на Востоке:... *все происходит тогда и таким образом, как должно происходить...* Так пусть все идет именно так!»

Немного успокоив себя таким образом, ОН переключился на предстоящее мероприятие.

Дело действительно казалось плевым: взять деньги (якобы на покупку героина) у двух «нариков», что возомнили себя крупными наркодилерами, после чего совершить примитивный «кидок». Если дойдет до драки – быстро и качественно выбить страдальцам зубы. Детали мероприятия, личности «потерпевших», возможные последствия и потенциальные неприятности не имели никакого значения. Грязный опыт аналогичных «дел» в багаже мужчины имелся. Сейчас же ЕГО волновало другое:

«Что делать с НЕЙ и что делать с собой?!»

Сейчас, когда алкоголь выветрился, ОН почувствовал, как липкие пальцы ужаса ложатся на сердце. Множество раз мужчина представлял расставание с зеленоглазкой. Тысячи раз фантазировал на эту тему, вырисовывал эмоции и ощущения. ОН никогда не находил ответа! Противоречивость чувств, полярность знаков нарушала работу логического процессора-мозга. ОН ненавидел ЕЕ, но любил больше жизни!

Поставленный перед фактом, сидящий на подоконнике и скручивающий проклятую записку, ОН не знал, к какому решению идти.

Попытаться отыскать беглянку? Упасть на колени и вымаливать прощение? Ведь было, было за что просить! Было!!! Или положить на произошедшее хер и наслаждаться жизнью холостяка? Менять ночных подружек и реализовывать некогда задуманные, но так и не осуществленные планы? Раньше их было много! Сейчас ОН едва ли мог вспомнить даже десятипроцентную долю юношеских желаний. Но все же, что-то ведь ОН помнил...

А еще он помнил руки... Собственные молотящие руки! Куда – неизвестно, но скорее всего, прямо в цель. В таких делах осечки случались редко. Вспоминался туман, багрово-красная пелена кольищуегося тумана, что застилала глаза. Она пахла водкой и женщиной. ОН хорошо знал оба запаха, но никак не мог завязать их в единое целое. Они взаимоисключались, подобно плюсам и минусам. ОН помнил крики и стоны, но несчастный автор оставался неизвестен. Что-то кричали о детях, своих или чужих... О шлюхах и блядах. О любовниках. ОН не знал точно, но воспоминания датировались последними днями жизни, что растеклись по днищу бокала...

ОН снова принялся сходить с ума, но вовремя остановился. Глубоко затянулся. Решил, что время покажет. Успокоился, даже расслабился. Кошмарное ощущение совершенной

мерзости полностью не пропало, но отдалилось на малозаметный задний план...

Ровно в шесть ноль-ноль заверещал мобильник. Он переделся в спортивные штаны, футболку и кроссовки. На все замки запечатал входную дверь и спустился во двор, посасывая сигарету и удивляясь пунктуальности, Потроху несвоейственной.

Серебристая «Тойота», не совсем новая и совсем не чистая, призывно моргнула фарами. Он поморщился, подошел и распахнул заднюю дверь. Навстречу рвануло облако сиренево-стального дыма. Из динамиков бешено орал прогрессивный хаос в исполнении известного немецкого ди-джея.

В машине находилось трое. Потрох – маленький, крепкий весельчак, бритоголовый и фиксатый, протянул для приветствия руку, улыбнулся и подмигнул. В уголке рта торчала неизменная сигарета, с которой Андрюха расставался лишь во сне. Он похлопал по сидению рядом с собой и подвинулся, освобождая место.

На передних креслах вольготно расположились двое. Тощие субъекты заметно нервничали и в попытках замаскировать волнение корчили злобные рожи. Зрачки размером с булавочные головки, вялые телодвижения и непрерывные почесывания выдавали их наркоманскую суть.

Потрох официальным тоном представил своих новых друзей. Звались они просто: Николай или «Король» и Альфред без всяких «Или». По язвительному замечанию Андрюхи,

ребятами они являлись отличными и абсолютно замечательными. ОН оценил сарказм, но промолчал, равнодушно отвечая на слабые рукопожатия «торчков».

Даже невнимательный взгляд мог просканировать нутро этих парней не хуже аппарата УЗИ. Жадные и отупевшие, лениво-примитивные личности, в наркотическом бреду решившие, что без особых трудов смогут захватить большой куш. ОН с детства ненавидел и презирал данную породу людей.

Потрох рекомендовал черноволосого в качестве единственного человека, «вхожего к нужному барыге-цыгану». Парней объяснение удовлетворило. Пунктом назначения был пригородный поселок Кутузовский – местная Мекка наркоманов и наркоторговцев. В прошлой жизни ОН неоднократно посещал «Кутузик» по причинам прозаического характера – «травокурским» потребностям...

Хмурый Альфред профессионально-уверенно вел машину. Музыка давила на барабанные перепонки. Басы подкидывали сердце и временами казалось, что оно вот-вот выпрыгнет наружу. В салоне висела никотиновая мгла, вибрирующая в такт музыкального бита. Николай «западал», втыкал горящую сигарету в свою костлявую коленку, обтянутую турецкими джинсами. По прыщавому подбородку наркомана стекала слюна. Потрох сидел угрюмый, разглядывал желтые ногти и курил.

ОН смотрел в боковое стекло, затянутое тонкой пленкой

тонировки. На город детства – нелюбимый и почти чужой, смазанные силуэты незнакомцев и архитектурное убожество зданий, на пролетающие мимо машины и белую ленту дорожной разметки. Стойкое ощущение *дежавю* многотонным грузом наваливалось на спину, выгибало нервы и провоцировало воспоминания. Словно всемогущий и всевидящий шутник поставил ЕГО жизнь на реверс. Сделал на десяток лет моложе, многократно глупее и стократ авантюрнее. Сколько раз ОН совершал подобное в прошлом и до сегодняшнего дня думал, что «завязал». Оказывается – нет! Прошлое, этот хитрый клоп, терпеливо выжидающий подходящего часа, клыками впилося в нежную кожу под коленкой и теперь жадно сосало теплую кровь...

Под прицелом алчных глазок свинообразного сержанта, они проехали мимо поста ГАИ. На счастье машину не тормознули. ОН вздохнул, испытывая непривычное желание перекреститься. Ветвиста дорога жизни! очередной верстовой камень пройден, оставлен скучать под палящим солнцем и пылью времен.

ОН провожал взглядом проносящиеся картины и думал: «Что бы произошло, если бы выбор пал на другую дорожную ветку? Каким образом отразилось бы это на дальнейшем движении? К чему привело?»

Оглядываясь в прошлое, ОН видел камни своего пути: *развод родителей, нелепая смерть тети Светы, встреча с НЕЙ...* На этих менгирах проступал отчетливый след

взросления. Отражались перемены внутреннего мира, сверкали иероглифы ценностей, переливались приоритеты, моральные нормы и принципы...

Потрох зашелся кашлем и оборвал размышления.

Через метров восемьсот машина свернула направо, затем еще раз направо, потом налево, тихо скатилась под горку и припарковалась возле зачуханной придорожной пивнушки.

Музыка заглохла в унисон с мотором. Очнувшийся Николай тонко вскрикнул и заколотил ладонью по тлеющим джинсам. Потрох и Альфред заржали, беспардонно тыча пальцами в подпаленного «нарика».

Отсмеялись, и Андрюха наглым и не терпящим возражения тоном потребовал деньги. Получив нужную сумму, он ловко запихал «наличку» в карман и спокойно сказал, что к цыганам пойдут двое. Альфред и Николай в число избранных не входят. На вялые протесты он заявил, что «торчки» могут катиться ко всем чертям или ждать, как и было обговорено изначально. Парни вынужденно согласились.

Пообещав, что вернутся через двадцать минут, друзья вылезли из автомобиля и навсегда распрощались с несостоявшимися наркобаронами. Ясно одно: их судьба незавидна. Каменист этот путь, и оканчивается либо в тюрьме, либо на кладбище, как и всякая дорога героинового наркомана.

Пройдя метров двести, Потрох остановился около массивной двери, вмонтированной в трехметровый каменный

забор. Забор, словно крепостная стена средневекового замка, окружал добротный особняк из переплетенного, красно-белого кирпича. Явно, дела у хозяев шли неплохо, а мерзкий бизнес, благодаря тысячам «альфредов» и «николаев», процветал.

Друзья переглянулись, и Андрюха надавил на пипку звонка. В ответ на классические переливы залаяли собаки, судя по басовитому рыку – великолепные кавказцы.

Зашаркали шаги. Кто-то невидимый и осторожный внимательно посмотрел в глазок. Спустя секунды защелкали засовы. Дверь приоткрылась, и Потрох ужом просочился в образовавшуюся щель. Было ясно, что он здесь не в первый раз и хорошо известен обитателям дома-крепости.

Ждать пришлось недолго. Появившись через две минуты, Андрюха, с вечной ухмылочкой на хитром лице ворюги-лиса, продемонстрировал два спичечных коробка, в содержимом которых угадывался отличный «ручник».

«Дурь – бомба! Настоящая афганка! Помнишь, как в тот раз, когда мы толкнули десять коробков?!» – весело уверил он и хлопнул друга по спине. Черноволосый раздраженно кивнул.

«Травка и давние, но крайне неприятные обстоятельства, с нею связанные, составляли не самую радостную часть ЕГО биографии. Несколько лет назад все закончилось благополучно, но едва не обернулось форменной катастрофой. Слишком близко щелкнули стальные челюсти наруч-

ников! ОН старался позабыть о тех днях, но так до сих пор и не мог...

Воровски озираясь по сторонам, они перешли на соседнюю улицу и не без помех поймали частника. Водила принялся было торговаться, но Андрюха бросил на панель пару крупных купюр, убивая ценовой вопрос. Друзья залезли в авто и велели гнать из этого, проклятого всеми богами и демонами, гиблого места...

Дальше они курили гашиш и пили холодное пиво. Затем — снова курили и опять пили. Бесцельно катались по городу, ели трубочки с кремом и корзиночки со сгущенкой. Запивали сладости колой и яблочным соком. Плевались в проезжающие машины, жестоко шутили над водителем и до слез хохотали.

Приближалась ночь. Сотни неоновых вывесок преобразили город. Разукрасили это огромное, урбанистическое чудовище сказочными красками чужих миров. Спрятали мусор и грязь, добавили загадки и шарма. Огни клубов, баров и ресторанов завлекали потенциальных клиентов в свои темные чрева, наполненные развлечениями и пороком. Они, подобно дешевеньким уличным путанам или вышколенным профессионалкам, готовились исполнять любые капризы денежных и щедрых.

По обоюдному согласию друзья заехали за Сергейей Чер-

ным – бывшим одноклассником и участником многочисленных приключений школьной поры. «Взорвали» за встречу огромный «косяк». Смеялись и общались. Вспоминали и вспоминали, словно лишь прошлое было реально. А может лишь прошлое связывало мужчин?

От обилия выкуренных трав друзья проголодались и решили завернуть в какое-нибудь заведение. Маленько перекусить, капельку выпить и найти на ночь ласковых девчонок.

Улыбающийся во все зубы Серега посоветовал отправиться в многократно проверенный кабак с гордым названием «Рыцарский орден». Ресторан располагался в самом центре города, на пересечении проспекта Энгельса с улицей лейтенанта Шмидта и во все времена славился отличной кухней. Помимо этого заведение предлагало обширную карту вин и весьма вольные, далекие от принципов пуританства нравы, что в сложившихся обстоятельствах выглядело поистине привлекательно. Предложение поддержали единогласно, скурив по такому повода небольшую «пяточку».

Мужчины подкатили к парадному входу и отпустили измотанного, но разбогатевшего таксиста.

«Орден» встретил друзей музыкой, шмелиным гулом голосов, ароматами европейской кухни и подозрительными взглядами шкафообразной охраны. Появился холеный барин-метрдетель и язвительно поинтересовался, заказан ли

у господ столик. Серега вспыхнул, но до конфликта дело не дошло. Веер разнообразных купюр обратил негостеприимного метрдотеля в угодливого Чеширского Кота.

Недолго думая, они выкупили уютную «банкетку», и Потрох, с важностью загулявшего купчины, распорядился насчет закусок, выпивки и спокойствия. Управляющий уверил, что все будет исполнено в лучшем виде, и испарился, подражая джину из арабских сказок. Словно по взмаху волшебной палочки на белоснежной скатерти возникли заяц с чесночным соусом, картофель «Анна», антрекот по-бретонски, шницель «Буташтек», карп со щавелем, розовое шампанское и ледяная «Столичная», натуральные соки и настоящий «Боржом», экзотические фрукты, вычурные салатки и тончайшие нарезки.

Прямо за столиком «приколотили» и «взорвали» еще один приличный «костыль». Смеялись, закусывали и выпивали. Отдыхали, нахваливали мастерство виноделов и кулинарное искусство поваров. Общались, вспоминали детство и юность, живых и погибших друзей, веселые случаи и «прикольные» моменты бурного прошлого, полного пустых впечатлений и детских ошибок.

Периодически возникал метрдотель, принимал пожелания и моментально исчезал, становясь немного счастливее и богаче. В одно из таких появлений Потрох прихватил угодника за лацкан пиджака и что-то зашептал в элегантно оттопыренное ухо. Метрдотель кивнул и испарился исполнять

заказ.

Прошло не более пятнадцати минут. Сигареты дымились, напряженно работали челюсти, а хрустальные фужеры сталкивались с диким звоном и скрежетом. Движения замедлялись, как вдруг Андрюха вскочил на стул. В этот момент он еще больше походил на обожравшегося курятины лиса. Приняв позу римского цезаря, Потрох щелкнул пальцами.

С треском распахнулись двустворчатые двери. Из клубов табачного дыма, из дурмана пьяных миражей и потока призрачных видений возникли полуголые девицы, черноволосые ромалы и ручной медвежонок на витой цепи. Девчонки хохотали, демонстрируя хорошие зубы и упругие груди. Цыгане лучились весельем, и только медвежонок казался испуганным и очень несчастным. Настроение животного никого не волновало. Друзья улюлюкали и свистели. Потрох светился, как отполированный щит добросовестного рубаки-наемника.

Зазвучали, запели звонкие гитары. Закружились широкие юбки цыганок и аппетитные задницы шлюх. Были радостные песни и протяжные трогательные мотивы. Были зажигательные танцы и шокирующий стриптиз. Были пляски на столах, медвежий вальс, разбитый хрусталь, треснувший фарфор и побитая морда нерасторопного халдея...

Приятный вечер, плавно переходящий в приятную ночь,

подходил к логическому завершению. Деньги уладили недо-
разумения, и мужчины, провожаемые группой официантов,
метрдотелем, льстивыми улыбками и приглашениями при-
ходить почаще, вывалились на свежий воздух. Их сопровож-
дали хихикающие и пьяненькие красотки в количестве трех
штук.

Сергея, путаясь в улицах, буквах и словах, вызвал такси.
Под завязку нагрузившись продуктами и спиртным, они мах-
нули за город, на лоно девственной природы...

Ночное небо полыхало миллионами бесконечно дале-
ких, незнакомых и совершенно чуждых светил. Изумитель-
ное и прекрасное, оно влекло чернотой и таинственностью,
непроглядной и завораживающей. Манило пугающей беско-
нечностью бездны. Полная луна, пухлая и желтая, украдкой
поглядывала на разгульные игрища людей.

Друзья разожгли огромный костер, жарили сосиски и мя-
со, пили коньяк, курили гашиш, купались в озере и траха-
лись на ложе мягкой травы, под аккомпанемент цикад, ше-
лест камыша и падающие звезды.

Царила блаженная июньская ночь. Воздух приятно хо-
лодил кожу. Изумрудная зелень, пахнувшая чистотой и све-
жестью, была прекрасна, но ОН хотел выть, как обложен-
ный охотниками волк-одиночка! В затуманенном мозгу, оду-
ревшем от алкоголя, переедания и наркотиков, лишь одна
мысль, с неумолимой простотой палаческого топора вруба-
лась в сознание:

«ЕЕ больше нет! ЕЕ больше нет!!! ЕЕ БОЛЬШЕ НЕТ!!!»

Лишь спустя трое суток, покрытых алкогольной дымкой, наркотическим мороком, разгулом и развратом, пришло трезвое понимание:

«ЭТО-НАВСЕГДА!»

И ОН решил отыскать беглянку. Истерика, лишаящая способности мыслить, полностью завладела отравленным существом черноволосого. ОН лихорадочно обзванивал ЕЕ подруг, знакомых, родственников и сослуживцев, повсюду натываясь на откровенное непонимание. Наконец, после долгих и льстивых уговоров, сокурсница Ленка продиктовала новый номер телефона зеленоглазки.

ОН звонил, звонил, звонил...

ОНА не брала трубку, сбрасывала или жестокий голос бесполого оператора утверждал, что «... абонент временно недоступен». ОН сотнями тратил нервные клетки. Литры крепчайшего кофе уничтожали ЕГО сон и взвинчивали кровяное давление. Загнанным зверем метался ОН по дому, что превратился в мрачный каземат. Много и часто курил. Был опустошен и раздавлен. Одинок настолько, что хотелось орать, лишь бы разрушить груз гнетущей тишины. ОН ощущал себя погребенным заживо. Чувствовал себя негодяем, *убившим любовь...*

Наконец, после тысячной или миллионной попытки ОН

дозвонился и с радостью услышал знакомый голос, такой взволнованный и дрожащий, вызвавший в душе ураган эмоций.

Мужчина вежливо поздоровался и получил в ответ спокойный, до полного равнодушия, привет. Слишком спокойный и слишком равнодушный, чтобы являться правдой! Тогда черноволосому показалось именно так...

ОН торопливо начал разговор. Просил, умолял, льстил, уговаривал, приводил аргументы и доводы. Ругался, кричал, матерился и ныл, скулил, причитал и плакал, унижался и подлизывался. ОН обрушил на девушку полный набор стандартных заверений отвергнутого любовника, но получил в ответ категорическое отрицание возможности быть вместе. ЕГО поглотило отчаяние.

Неожиданно, сжалившись или руководствуясь известными только ЕЙ мотивами, зеленоглазка согласилась на короткую, *последнюю* встречу. ОН обрел призрак надежды.

Местом свидания ОНИ избрали маленький скверик около фонтана со скульптурами Ромео и Джульетты. Инициатива исходила от НЕГО. Черноволосый понимал, что ход дешев и примитивен до безобразия, но паника не давала фантазии работать. Ничего лучшего придумать ОН был просто не в состоянии.

В ночь перед свиданием мужчина так и не уснул...

В условленное время ОН, выбритым, нарядным и надутым лондонским денди, с букетом королевских лилий в руке и пламенной верой в сердце ожидал ЕЕ прихода. Сумбур мыслей и эмоций. Заготовленные фразы и доводы... ОН пропустил момент появления любимой...

Черноволосый поздоровался, в очередной раз сраженный обжигающей красотой девушки, вручил букет и потянулся для поцелуя. Взгляд мужчины зацепился за обилие косметике, так ЕЙ не свойственное. Окунулся в зеленый омут глаз и отметил распухшие, словно разбитые губы.

«Что, блядский род, это за херня?!» – подумал черноволосый раздраженно, но ничего по этому поводу не сказал.

ОНА же неуверенно приняла цветы, привычно поблагодарила, но отстранилась от предложенной ласки и сходу, словно бросаясь с карниза крыши на влажный асфальт, начала разговор.

Впоследствии ОН множество раз прокручивал сказанное на магнитофоне памяти, пытался найти скрытый смысл и невысказанный подтекст. Всегда тщетно! Даже спустя годы ОН с ужасом просыпался в ночной темноте, мокрый от липкого пота, в очередной раз увидав на экране подсознания *ту сцену*.

– У меня другой мужчина. Я беременна и жду от него ребенка. Через три месяца я выхожу замуж, — сказала ОНА

холодным, как арктические ледники, голосом. — Я больше не хочу тебя видеть. Никогда. Я больше тебя не люблю!

Резко развернувшись, так, что высокие шпильки ввинтились в перегретый солнцем асфальт, красавица зашагала прочь. Невинные цветы полетели в заплыванную урну.

ОН ошарашено смотрел вслед, на стройные ноги, пикантно двигающиеся ягодицы и ощущал, как сердце, еще миг назад живое и теплое, покрывается корявой коркой грязного льда. Навсегда уходя из ЕГО жизни, ОНА так ни разу и не оглянулась...

ОН присел на скамеечку. В молчаливом оцепенении смотрел на резвящиеся струи воды, радужные блики и прильнувших друг к другу юных итальянских аристократов. Внутри, на том месте, где раньше билось сердце, рождались чувства и жила любовь, образовалась мертвенная пустыня. В таком состоянии мужчина просидел до следующего утра. Еще никогда, ни до ни после произошедшего, ему не было *так* плохо.

Той ночью ОН умер...

Начало конца: ОНА

...Печальная красавица-зеленоглазка в мягком серебре растрепанных волос...

ОНА наспех собрала вещи, вызвала такси и опустошенно рухнула в глубокое, полосатое кресло. Кружилась голова. Перенапряженные нервы звенели тетивой боевого лука. Стук сердца походил на грохот колокола, а к горлу подкатывали волны тошноты.

Девушка глубоко вздохнула. Дрожащей рукой, на маленьком блокнотном листке ОНА нацарапала «ВСЕ КОНЧЕНО!!!» и со злостью отшвырнула карандаш, словно деревянное стило было повинно в случившемся.

Вот теперь – точно все! Чемоданы собраны, акценты расставлены. По мышиному тихий побег подкрался к логическому завершению. Оставалось дожидаться контрольного звонка девушки-оператора и навсегда уехать навстречу переменам. Хотелось бы надеяться – к лучшему. Расставание состоялось, и нет во вселенной сил, способных заштопать разрыв...

ОНА осторожно притронулась языком к распухшим губам и кисло сморщилась.

«Ничтожный человек! Следовало бросить ЕГО много лет назад! Не стоило давать поганцу последнего шанса...»

Страстно хотелось выговориться, но, как на зло, рядом

не оказалось ни единого потенциального собеседника. Спасаясь от прошлого, зеленоглазка не прибегала к посторонней помощи. Афишировать разрыв казалось ЕЙ дурным тоном. Воспитание и врожденная стыдливость не позволяли прибегнуть в столь щекотливом вопросе к помощи знакомых или друзей. Конечно, время раскроет тайны, но пусть воображаемый *идеал* еще немножко поживет. Пусть порадует добрых и позлит завистливых... ОНА не станет уничтожать чужую мечту!

Зеленоглазка взглянула на часы. Прошло уже пятнадцать минут, а такси так и не соизволило приехать. В другой раз ОНА бы отменила заказ, наговорив в придачу кучу грубостей, но сегодняшнее настроение не располагало к маленьким скандалам. Погрузившись в воспоминания, девушка терпеливо ждала.

Людам присущ самообман. Выдавая желаемое за действительное, они прячутся от ударов реальности, но тем самым врачуют свои уставшие души, зараженные бытовой пошлостью и финансово-социальными проблемами. В сознании окружающих ИХ пара представлялась нерушимым, подобно легендарному Алатырь-камню, *эталон*ом *фантастической любви*. Неважно, что подлинное положение дел обстояло несколько иначе. Людям не обязательно знать правду. Пусть верят, что в мире существует нечто по-настоящему трогательное и прекрасное, а правда... Правда бедна и убога. Правда примитивна и грязна. Правда касается только ИХ.

ЕГО и ЕЕ.

ОНА рассеяно пригладила волосы. Поспешность событий привела к тому, что ЕЕ появления никто и нигде не ждал. Следовало подумать о будущем, но вместо этого хотелось забиться под одеяло и плакать, плакать, плакать... ОНА почти поддалась порыву, но вовремя опомнилась.

«До чего же тяжело! – подумала девушка. – До чего же невыносимо больно, но *надо*...»

В размякшей душе надрывался хор облезлых кошек. Странное, абсолютно нелогичное восприятие происходящего будоражило совесть потоком абсурдных умозаключений.

ЕЕ внезапный побег – подлость самого низкого пошиба! Последние события оправдывают расставание, но все же, все же... Отыгранные роли более не имеют значения, однако... Действия не поворачиваются вспять, грязные слова не залезают в глотки. Все уже произошло, верно, но качество самого поступка... Натуральная подлость!

Удивительно, но охарактеризовать по-иному тихий побег ОНА оказалась не в состоянии. Тайно проникла в квартиру. Не поговорила, не посмотрела в любимые глаза, *не сообщила о важном. Не убедила в правдивости важнейшего!* Низкая подлость, граничащая с истинным предательством – вот что творилось сейчас! Тем более стократ подлее в отношении человека, некогда единственного и любимого. Впрочем, зачем лгать себе – *любимого до сих пор!* Обстоятельства уродливы и ужасны, но Любовь не умирает в одночасье...

Зеленоглазка помассировала виски. Рациональная и умная женщина. ОНА отдавала отчет совершаемому и не привыкла скрываться за ширмой отговорок.

«В отличии от НЕГО! – с неожиданной яростью подумала ОНА и вновь прикоснулась к губам. – Вечно оправдывающийся и ищущий виноватых слабак, вот кто ОН такой!»

Бешенство – едкое и безумное, непривычное и пугающее, вскормленное на калорийной грязи произошедшей катастрофы, заново вылезло на свет. Плотно угнездившись в сознании, оно вцепилось в хлам прошлого и начало питаться, быстро разрастаясь гибкими метастазами ярости. Негативные стороны прожитых лет служили прекрасным топливом. Ошибки напиткивали бешенство витаминным коктейлем ненависти...

Бешенство было старо. Сливаясь в монолит ядерного заряда, оно готовилось прорваться на свободу и погresti под обломками ЕЕ противоречивую любовь к черноволосому.

Более того: не понимая происходящего, ослепнув и оглохнув в хаосе извечного поражения, ОН помог заряду взорваться. Два бесконечных дня назад любимый «лапуся» запустил термоядерную реакцию, разметавшую в куски их маленькую семью. Взрыв искалечил надежды, растерзал, развеял по ветру всякую возможность оставаться вместе.

Расставание намечалось давно, но лишь теперь, совершая акт насилия, ОНА переступила ядовитую горечь разлуки. Повергла нежность, убила страсть, выбросила трепет... За-

живо похоронила любовь...

Девушка резко поднялась с кресла, но тут же присела обратно.

Все зашло слишком далеко, и иного выхода ОНА не видела. Сыграны роли в старом театре жизни. Опускается занавес, и уставшие участники пьесы медленно разбредаются по домам. Финита ля комедия, многоуважаемые дамы, сеньоры и господа!

Сильно кольнуло в боку. Повинуясь генетическому женскому инстинкту, что берет начало в дымных пещерах каменного века, ОНА положила руку на живот, оберегая еще не родившееся, но уже живое существо. *Как и любая, пус-кай будущая, но мать, ОНА неосознанно защищала новую жизнь, которую ОНИ сотворили вместе. ОН и ОНА...*

Трель дверного звонка заставила девушку вздрогнуть. Первой возникла мысль о НЕМ. Вспышкой света сверкнули страх и надежда. Страх не успеть убежать, и надежда на то, что ОН войдет, обнимет, поцелует и удержит от *последнего шага!*

«Прости меня, милая! Успокойся, родная! Все исправится! Все будет хорошо! Пожалуйста, верь мне!» – прозвучат банальные фразы, от примитивизма которых в душе запоют птицы, ноги станут непослушными и ватными, а сердце – затрепещет экзотической бабочкой в сачке фанатичного энтомолога.

ОНА крадучись подошла к двери, заглянула в глазок.

На площадке стояла старуха-соседка и беззвучно плямкала толстыми губами. Белый халат, похожий на балахон члена ку-клукс-клана, плотно обтягивал мускулистые плечи, более присущие силачу из цирка шапито.

Пожар, землетрясение, наводнение, нашествие саранчи, цунами или торнадо... Что-бы ни случилось, ОНА решила не открывать дверь и не общаться со старой ведьмой. Достаточно крови выпила злобредная старуха, доставая молодых соседей придирками, замечаниями и мелочными попреками! В один из осенних вечеров черноволосый не выдержал и по полной программе обложил бабку отборными матюгами. Больше она к ним не лезла, лишь иногда шипя из-за филенчатой двери неразборчивые проклятия.

«Что-что, а материться ОН умел не хуже портового грузчика!, – невольно вспомнила ОНА и почти улыбнулась. – Сказывалось уличное воспитание и общение с типажами, подобными ЕГО закадычному дружку, Андрюши Потроху!»

Позвонив пару раз, разочарованная бабка убралась к своей квартире, тяжело дыша и бубня под нос обычную марзматиическую ахинею. Громко хлопнула дверь, заскрипели несмазанные замки и засовы.

ОНА облегченно вздохнула и пошла было на кухню, варить кофе, но заиграл мобильный телефон. Голос оператора сообщил, что машина прибыла. ОНА подтвердила вызов и попросила передать водителю просьбу помочь с багажом. Милая девушка обещала содействие.

Ожидая приход таксиста, ОНА извлекла из миниатюрного ридикюля пузырек любимых духов «Мияко» от японской фирмы «Аннаяки». Пару капель за уши, капельку на шею и еще одну – в глубокую ложбинку между крупными грудями красивой формы.

«Ну вот и все, теперь можно уходить. *Навсегда!*» — подумала зеленоглазка и пошла открывать.

Водитель перенес дорожные чемоданы и сложил поклажу в багажник автомобиля. Заурчал мотор желтой «Волги», и что-то невозможно важное, составляющее саму суть ЕЕ личности натянулось до состояния тончайшей гитарной струны и с отвратительным треском лопнуло. Девушке показалось, что оборвалась сама *любовь*, а издалека, из-за волнистой линии горизонта раздался пронзительный хохот, от звука которого по спине пробежали когтистые лапки воображаемых мурашек.

ОНА повторила адрес и замолчала. Оцепенела, уставилась в боковое стекло, рассеяно слушая болтовню таксиста, положенную на лирическую мелодию неизвестной радиоволны.

Душа, раскаленная до температуры расплавленного чугуна, медленно разваливалась на части. Зеленая запруда миндалевидных глаз готовилась треснуть под неудержимым водопадом злых и тоскливых слез. Хотелось закричать, забиться в истерике. Вцепиться в мужчину-водителя, приказать крутануть руль и вернуться обратно, в ИХ общий дом!

Отвезти ЕЕ к НЕМУ...

Предельным проявлением воли ОНА сдержалась. Красивая и сильная, уверенная в себе молодая женщина, привыкшая побеждать и до сих пор не познавшая вкус поражения. ОНА четко обрисовывала цели и последовательно добивалась задуманного. Не витала в облаках, но и не прижималась к чернозему, подобно большинству знакомых барышень и подруг. Не скатывалась до пошлого мещанства, но и не взлетала к аристократическому снобизму. Не страдала самоуверенностью, но и не принижала дарованное природой. Знала собственную цену, объективно характеризуя имеющиеся достоинства и недостатки. Словом, была истинной золотой серединкой, идеальной женой, любовницей и матерью. *Настоящей женщиной*, способной превратиться в надежную опору для любого *нормального мужчины*.

Но высшие силы распорядились по-иному! Очень может быть, что в одну из безлунных ночей благородные боги небесной горы и насмешливые демоны адской бездны собрались вокруг зеленого сукна казино и раскинули карточную партийку, поставив на кон ЕЕ судьбу. Неизвестно, кто сорвал банк, но на счастье (или на беду?!) ОНА повстречала ЕГО. *И влюбилась!* Безумно и страстно, до полной потери самоконтроля! До слабости в ногах и головокружения, томных предрассветных вздохов и трепещущих, от одного присутствия этого черноволосого человека, сердечных нервов. В ту блаженную пору ОНА чувствовала себя маленькой птичкой,

залетевшей на седьмое небо счастья!

Скорее всего, ангелы и демоны сидели сейчас в ресторане «Олимп», ныряли в кружки с крепленным нектаром и покатывались со смеху над нелепыми телодвижениями глупых людишек. Наверняка им казалось, что они остроумно пошутили, сплетя в жесткий, эмоциональный клубок сильнейшие чувства двух совершенно разных людей!

ОНА осознавала изощренную подлость подстроенного розыгрыша. Вот бы взять и поймать негодного шутника, какого-нибудь голожопого Купидона! Хренова стрелка по мишеням человеческих сердец! Уж ОНА бы повеселилась! Крепко подвесила бы гадкого младенчика за яйца на толстом, сосновом суку! Посмотрела бы, как нахальная ухмылочка исчезает с кругленькой мордочки пакостника! Ничего, уважаемые бессмертные! Партия еще не окончена! ОНА не какая-нибудь глупенькая дамочка в кисейках, кудряшках и розовой помаде! ОНА еще всем им покажет! Посмотрим, кто посмеется последним...

Раззадорившись таким образом, девушка хотела закурить, но вспомнила о нынешнем положении и убрала сигарету обратно в пачку.

«Ну вот, теперь все будет по-другому, – подумала зеленоглазка и невольно добавила. – *По-другому и без НЕГО.*

Как не старалась ОНА перестроить сознание, поток мыслей, словно кусочки металла к мощному магниту, непременно возвращался к мужчине, столь много для НЕЕ значивше-

му. Причем до сих пор...

Хорошее, плохое, прекрасное, отвратительное... Разное. Сколько же всего произошло за годы их совместного движения по дороге жизни! Сколько терпения и нервов стоило не сойти с этой извилистой тропы! Бесчисленные ошибки черноволосого, ЕГО слабости и метания... ОНА выдержала все. Помышляла о расставании, но все же не ушла. Поверила в чудо и подарила шанс... Но последний поступок любимого расколол хрустальную чашу ангельского терпения, и коктейль безграничных чувств дополнился новым ингредиентом – *ненавистью*. Высококонцентрированной и всесокрушающей, способной плавить гранитные глыбы и оставлять глубокие оспины на титановых боках межпланетных кораблей.

ОНА и раньше испытывала подобное, но лишь теперь поняла, что ложно принимала за ненависть жалкий суррогат мелких обид и обидок. Жалящие прикосновения ЕГО ударов, кровь и разорванные губы позволили прочувствовать настоящий вкус *обратной стороны любви*.

Удары окончательно сломали, сорвали с глаз розовые очки иллюзорной идеальности черноволосого! В тот памятный вечер перед изумленным взором ЕЕ зеленых глаз, залитых густой пеленой обидных слез, предстал незнакомый и безобразно чужой человек, способный под влиянием амбиций, маний и комплексов делать *больно*. И не только ЕЙ!

В тот миг ОНА ощутила, что зародыш внутри тела тоже

закричал и забился. Задрывал маленькими, еще несформировавшимися ручками и ножками, охваченный паническим, животным ужасом перед этим огромным и страшным человеком! *Перед собственным отцом, не имеющим понятия о новоприобретенном статусе!!!*

Насколько же всеильна *Любовь*! Ведь и раньше, наблюдая за поступками мужчины, ОНА с предельной четкостью понимала, что черноволосый – не лучшая кандидатура на роль примерного мужа. Надежный спутник жизни, стабильный добытчик и верный защитник – это сказали не про НЕГО. «Лапуся» был неспособен стать таким человеком в силу полной несерьезности, запущенного инфантилизма и чертовой прорвы других недостатков.

Но нет! *Любовь* ослепила, набросила призрачную ткань на мерзкие качества и слабости! ОНА, словно под воздействием сильнейших магических чар или новейших синтетических наркотиков, прощала чудовищные выходки и гадкие поступки. Забывала грубые слова и нарушенные обещания...

«Расставание неизбежно, – подумала ОНА и вновь потянулась за сигаретой. – Я непременно должна, обязана бросить этого человека! Ради себя и ради будущего малыша...»

Дорога охотящейся индийской коброй бросалась под колеса автомобиля. Разговорчивый водитель, поняв тщетность попыток развлечь грустную красавицу-пассажирку, набычился и молчал. Так они и ехали, временами тормозясь в ки-

лометровых пробках, похожих на советские очереди за сливочным маслом. Таксист бурчал ругательства и нервно крутил волчок китайской магнитолы.

ОНА же – медленно вводила себя в транс, в экзотическую форму медитации. Подобный метод самоконтроля, быстрой перенастройки мысленного фона на нужный лад, неоднократно применялся в работе и повседневной жизни. Придавая определенный эмоциональный оттенок, окрашивая людей, события и вещи в подходящую гамму цветов, ОНА меняла внутреннее впечатление и их негативное воздействие на собственное сознание.

Прямо сейчас девушка ставила заключительную точку в подробной характеристике бывшего любовника. Точно обезумевшая художница-авангардистка – щедро набрасывала широкие мазки антрацитово-черной краски на ЕГО воображаемый портрет:

«Вспомни, дорогая! Ваши отношения, прежде прозрачные и четкие, словно бриллиант чистой воды, давно превратились в потопленный берберскими пиратами многопарусный фрегат. Мужчина, показавшийся в начале таким необыкновенным и удивительным, таким перспективным и целеустремленным, со временем обернулся озлобленной и жалкой размазней! Бесконечные пьянки, недовольства и придирки этого человека с каждым днем утомляли тебя все больше и больше. А ЕГО частые смены работы?! Отсутствие стабильности и ближайших перспектив на полный ма-

териальный достаток?! А ЕГО непрерывное пьянство?! Чудовищные скандалы?! ОН, видите ли, выше бытового болота и многократно лучше других людей! Уникум, достойный великой судьбы и необыкновенной жизни! ОН, видите ли, в поиске исключительного! А не ты ли, милочка, столь часто задерживалась на работе до позднего вечера? Не ты ли частенько пропадала в ночных клубах, ресторанах и барах? Не ты ли почти поселилась в „Версале“?! Не ты ли, окруженная толпой поклонников и подруг, поносила *своего мужчину* последними словами?! Не ты ли, дьявол тебя задери, самозабвенно трахалась с заместителем начальника компании по маркетингу?! Или с тем голубоглазым художником?! Не ты ли с мастерством театральной актрисы врала любимому о том, что вы доделывали горящий квартальный отчет или посещали ночное биеннале?!»

«Все это верно, понятно и предельно ясно, но почему тебе так без него плохо?!» — прозвучал в голове неумолимый Голос Любви.

ОНА не нашлась с ответом...

Машина затормозила во дворе скучной панельной десятиэтажки, прекрасно знакомой девушке со времен босоногого детства. ОНА вывалилась из транса. Водитель аккуратно припарковался, заглушил уставший мотор и попросил расплатиться. Во взгляде таксиста, обращенном на распухшие губы пассажирки, читалась неприкрытая насмешка. Девушке захотелось залепить наглецу пощечину!

«Да что с тобой?! – подумала ОНА. – Откуда в тебе столько агрессии?!»

Ответ был очевиден.

Не тратя времени, ОНА расплатилась и, влив в голос добрую порцию яда, попросила помочь с багажом. Водитель неохотно согласился, всем видом демонстрируя оскорбленную добродетель. Ей было наплевать.

Лифт, по катастрофическому обыкновению подавляющего большинства российских лифтов, категорически отказывался работать. Чертовски злой таксист был вынужден водрузить поклажу на спину и пешком тащиться на восьмой этаж. ОНА мило поблагодарила запыхавшегося мужчину и протянула в знак признательности крупную денежку. Он с важным видом отказался, скомкано попрощался и заспешил вниз.

«Небось, идет сейчас, распираемый гордостью, – подумала зеленоглазка и улыбнулась. – Как смешны и предсказуемы мужики! До чего же легко ими манипулировать».

ОНА стояла напротив знакомой двери и никак не могла отыскать нужный ключ в анархии дамской сумочки. Вот и все, приехала куда хотела! К любимой и дорогой Маман! С которой они давно не понимали друг друга и ругались по любим, пустячным поводам. За этой дверью прошло ЕЕ детство, не всегда безоблачное и радостное, но все же – счастливое.

Девушка не собиралась задерживаться в маминых апар-

таментах. День-два, максимум неделя. Не могла ОНА здесь жить! Выдержанная и терпеливая, продуманно уступчивая в отношениях с различными категориями людей. ОНА превращалась в разъяренную пантеру, когда дело касалось обожаемой матери! Властная и нетерпящая возражений родительница (давно разведенная и разочарованная в людях, чувствах и явлениях жизни) вызывала в душе дочери отравленный микс гнева, стыда и жалости...

Наконец нашелся ключ, хитро запрятавшийся меж страницами записной книжки. Щелкнул английский замок с секретом. Девушка переступила порог дома и по одному втащила тяжеленные чемоданы в полутемную прихожую. Навстречу выбежал, истошно вопя и недовольно размахивая пушистым хвостом, мамочкин любимец – безобразно жирный персидский кот Сигизмунд III. Два предыдущих Сигизмунда покоились на городском кладбище домашних животных. Маман регулярно навещала почивших любимцев, наводила порядок, вырывала сорняки и оставляла на могилках живые цветы и копченые рыбки головы. На насмешки и крутящиеся у виска пальцы она раздражалась потоком базарной брани. Искусством ругаться матом родительница владела в равной степени с НИМ...

На наглой морде кошкина проступала гримаса сильнейшего раздражения. Кот считал себя неоспоримым хозяином квартиры, и сейчас, нарушая неприкосновенность границ, в его законный феод вторглась неизвестная особь женского пола!

Он ужасно нервничал, что при невероятной тучности кошары могло привести к обширному инфаркту миокарда. Не дай бог случиться такому, маму саму хватил бы удар! «Сиги», как она ласково называла волосатого толстяка, был единственным существом, с которым мамочка могла нормально общаться...

ОНА присела на корточки и ласково позвала котяру по имени. Сигизмунд недовольно фыркнул, но подошел и осторожно понюхал изящную ладошку девушки. ОНА почесала за ухом, погладила, и кот признал запах, после чего сменил гнев на милость и замурлыкал, как трактор.

Кроме успокоившейся зверюги в квартире никого не было. Неугомонная Маман отправилась по своим исключительно важным делам. Такими обычно являлись: многочасовой вояж по магазинам, косметическим салонам, парикмахерским, кофейням во французском стиле, восточным ресторанам или страстным объятиям нового богатого любовника.

Несмотря на возраст, она умудрилась сохранить блеск ослепительной красоты и манящую привлекательность юности. Мужчины, словно объевшиеся цветочной пыльцы мотыльки, стаями слетались на яркий свет этой удивительной женщины!

Маман беспринципно пользовалась любовниками, умело играла чувствами и амбициями мужественных существ, которых, в большинстве своем, презирала. Дорогие подарки, изящные украшения, экзотические курорты... Этого добра

у Маман было вдоволь! Лишь на предложения руки и сердца она непременно отвечала категорично-гордым отказом.

ОНА знала наверняка, что мама до сих пор любила отца – первого и единственного официального мужа, который бросил ее через семь лет после рождения дочери. Человек добрый, честный и работающий, он не выдержал бесконечных романов и некрасивых измен очаровательной женушки. Он молча собрался и ушел. Через год (к тому времени официально разведясь с Маман) отец женился на бывшей однокласснице Ольге, что безумно любила и ждала момента его «освобождения» долгие годы.

Смог ли отец обрести заслуженное счастье с новой семьей неизвестно. Он переехал в другой город, и связь оборвалась...

Маман тяжело переживала удар, ставший для красотишки полнейшей неожиданностью. Она активно блядовала, пила и неделями не ночевала дома. Брошенная дочь была вверена на попечение добрых тетусшек-соседок. Все могло закончиться плачевно, но на благо родительница была женщиной волевой и амбициозной. Она вовремя сказала эмоциям стоп, после чего превратилась из веселой, куклоподобной хохотушки в язвительную и саркастическую женщину-вамп. Роль которой успешно исполняла по сегодняшний день.

Даже сейчас, по прошествии вереницы бурных лет, эта многоопытная пожирательница мужчин так и не смогла успокоиться! При этом Маман осознавала, что годы – эти

безжалостные воры женской красоты, берут свое, и настанет момент, когда кавалеры перестанут клевать на увядающие прелести постаревшей красавицы. Она страшилась неизбежного и до изнеможения изнуряла организм диетами, потела в дорогих спортзалах и являлась завсегдатаем лучших косметических салонов.

Много раз Маман пыталась вмешиваться в ИХ отношения, подходя к данному вопросу с иезуитской хитростью. Подстраивала некрасивые ситуации и неожиданные встречи, наговаривала и плела паутину интриг. Лишь после пары крупных скандалов, следствием которых стало то, что мать и дочь практически перестали общаться, родительница прекратила попытки.

ОНА давно, на втором курсе универа, разъехалась с матерью. Собрала необходимые вещи и вместе с НИМ переехала на съемную квартиру, арендованную по сносной цене у ЕГО родственника Евгения. Маман шипела от ярости, но вынуждено смирилась с неизбежностью.

Ее отношения с черноволосым сводились к вежливому, обледеневшему официозу. ОН отвечал столь же холодной взаимностью...

Оставив в прихожей неразобранные чемоданы девушка отправилась в спальню. По старой, еще детской привычке ОНА покрутилась перед овалом антикварного зеркала в позолоченной раме – законной гордостью Маман, доставшейся в наследство от какой-то позабытой прапрабабки. Зеркало

с радость встретило вернувшуюся красавицу.

Скинула верхнюю одежду и, оставшись в воздушных, розовых трусиках из тончайшего батиста, прошла в ванную комнату. Кот увязался было следом, но увидел погрозившийся на маникюрный ноготь, остановился, виновато потоптался на месте и расстроено плюхнулся около дивана...

Нежась под щекотными, ласкающими кожу струями прохладной воды, ОНА смогла наконец-то расслабиться. Вода стекала по изгибам, гладила формы. Неимоверная тяжесть расставания сползала с плеч старой змеиной шкурой. Таяла куском рафинада, брошенным в чашку с парующим кипятком.

Довольная и пахнущая чистотой, ОНА вылезла из-под душа и накинула желтый халат Маман, декорированный искусно вышитыми жесткоглазыми самураями и бледнолицыми гейшами. Шелковый халатик идеально обнял фигуру девушки, в очередной раз доказывая великолепие тренированного тела родительницы.

Звонко шлепая босыми ногами по светлому, буковому паркету, ОНА прошла на кухню. Здесь мало что изменилось, и девушка без проблем отыскала необходимое. Зажгла газ и поставила на синий огонек медную турку. В ручной кофемолке перемолола зерна сорта «Мокко». Сварила кофе и приготовила пару микроскопических бутербродиков с маслом и норвежской малосолевой семгой. Достала из холодильника нежирные сливки, из шкафчика – сахарницу, на-

лила кофе в изящную фарфоровую чашечку, поставила все это на поднос, перебралась в гостиную. Забралась с ногами в кресло, включила телевизор, выбрала наиболее цветастый канал и приглушила звук. ОНА не искала чего-то определенного, а лишь пыталась разбавить гнетущую тишину, пускай бессмысленными и ненастоящими, но голосами и цветами, звуками и людьми. Время настоящих еще наступит, но только не сегодня! Сигизмунд осторожно подкрался и улегся у подножия импровизированного трона.

ОНА мельком поглядывала на экран, маленькими глоточками пила сладкий кофе, кушала бутерброды и предавалась воспоминаниям.

Из недр памяти всплыл день, когда месячные не начались согласно точному, как швейцарские часы марки «Maurice Lacroix», внутреннему биологическому расписанию. День задержки, два, три, неделя... ОНА нервничала и одновременно – неистово надеялась на чудо. В те дни ОНА, не особо религиозная и верующая, молила Всевышнего даровать ИМ малыша. В ближайшей аптеке, смущаясь и краснея, как невинная девочка при виде голого мужика, купила тест на беременность...

ОНА изумленно смотрела на две розовые полоски и не знала, смеяться, кричать, веселиться или плакать. Поразительная по простоте новость в одночасье перевернула устоявшийся мир.

ОНА беременна!!!

Многолетние неудачные попытки, утомительные походы по врачам и горькие лекарства, современные физиопроцедуры и вонь экзотических трав, обещавших вернуть способность к зачатию, остались в прошлом. Безжалостный диагноз – *бесплодие* оказался жестокой ложью! Она – *беременная!!!* От НЕГО...

Факт отцовства черноволосого не подлежал сомнению. Со случайными любовниками ОНА *всегда* принимала соответствующие меры предосторожности, предъявляя мужчинам аналогичные требования. Что ни говори, а девушкой ОНА была умной, практичной и осторожной. Лишь ЕМУ, – любимому и нежному, милому и родному, дозволялось свободно проливать семя. Хотя... Не всегда ОН был нежен и мил, но это неважно! Следуя за необъяснимостью женского чутья, ОНА хотела, а скорее даже – мечтала родить ребенка именно от НЕГО...

Щелкнул дверной замок, и поток воспоминаний оборвался. Из прихожей раздался властный, прокуренный голос Маман, звавший Сигизмунда. Кот удивительно резво для столь жирного существа подскочил, понесся к хозяйке. Мама ласково разговаривала с котом, спрашивала не голоден ли он, не скучал ли без нее, не болит ли у него живот и прочую заботливо-сентиментальную чушь.

ОНА поставила чашечку, внутренне подобралась и вышла поприветствовать родительницу. События могли принять любой оборот, и перед матерью следовало предстать макси-

мально готовой. Изумлению Маман не было предела! Она выразила радость, возможно даже искреннюю, но в этот же миг обратила внимание на груды чемоданов и повелительным тоном потребовала объяснений. Выслушав краткие, сухие на эмоции и эпитеты комментарии дочери, старшая женщина (с видом самодовольного всезнайства на красивом лице матерой хищницы) завела шарманку на тему: «Я ведь тебе давно говорила...»

ОНА не могла вынести подобного! Нервы, и без того натянутые происшествиями последних дней, не выдержали и взорвались хлопьями неконтролируемых эмоций! Впоследствии ОНА со жгучим стыдом вспоминала обвинения, грязные упреки и просто банальные ругательства, брошенные в лицо родной маме...

В тот злополучный день крики двух родных женщин вдребезги раскололи тишину и заполнили словесной грязью пространство квартиры. До-смерти перепуганный Сиги пустил вонючие ветры и ошалело метался по комнатам. Периодически кот пытался забиться под диван, шкаф или кресло, но у него это никак не выходило. Мешала невероятная толщина откормленного зада.

Выплеснув поток гадостей, ОНА бросилась в прихожую и стащила с вешалки сумочку, едва не оторвав ручки. Вытащила мобильник и во второй раз за день набрала номер таксомоторной компании. Маман, поняв совершенную ошибку, принялась извиняться, что для нее являлось высшей степе-

ную смущения. Но ОНА больше не хотела, не могла оставаться здесь. Находиться с матерью на одной площади было выше предела сил!

Машину пообещали подать к парадной аккурат через пятнадцать минут. Оставшееся до отъезда время ОНА в задумчивости простояла на балконе, пыталась успокоиться и молча смотрела на тучные стада кудрявых кучевых облаков, беззаботно плывущих в сторону ненаступившего еще заката...

Сомнительная радость, но на вызов приехал знакомый говорливый таксист. Правильно оценив обстановку он воздержался от ехидных замечаний и помог спустить чемоданы. В это время Маман суежилась и причитала, словно заботливая курица над разбежавшимся выводком птенцов. Она не ожидала столь бурной реакции дочери на слова, ставшие, пожалуй, ее единственной характеристикой взаимоотношений молодых людей. Они уже спустились вниз, когда Маман выбежала на лестничную площадку и жалобным криком умоляла простить старую дуру.

Ответом послужила тишина.

Машина мягко тронулась, выехала на кольцевую дорогу и ловко вклинилась в бешеный поток автомобилей. ОНА повторила адрес, и таксист, понимающе кивнув в ответ, повез девушку к... Пока – неизвестно к кому.

«ЕГО больше нет, а я – беременна! – думала зеленоглаз-

ка, но в этот раз утверждение не вызвало паники. Непривычность *вольного положения и беременные обстоятельства* слегка настораживали, но не более.

Одиночество никоим образом не входило в перечень жизненных планов девушки. Мысли о кандидатуре будущего мужа для себя любимой и *нормальном* отце для неродившегося малыша переходили из разряда пустых размышлений в предмет серьезного анализа.

«Черноволосый получил последний шанс и... провалился. Правда о ЕГО отцовстве известна лишь мне одной. Еще горит факел любви, но печальный светоч угаснет. Вопрос времени и не более...»

Пальчики девушки сплелись на коленке, как делали всякий раз в ходе «думательного» процесса. Как ни удивительно, но скандал благополучно вернул мысли в рабочее состояние. ОНА более не винила себя и не впадала в истерику. Вместо этого девушка перерывала картотеку памяти в поисках персоны, соответствующей набору определенных критериев и качеств.

«Итак, – нехорошо усмехнулась зеленоглазка и сильнее сжала пальцы. – Требуется *нормальный* муж и отец...»

Перебирая *близко знакомых мужчин*, ОНА, словно цыганка с колодой карт Таро, пришла к однозначному выводу: Ребенок должен думать, что живет с родным отцом! Больше того, сам будущий муж должен считать ребенка родным! Исходя из данного условия, на примете имелось целых три

соискателя завидной участи. Три персонажа, что говорили о любви и клялись взять ЕЕ в законные супруги. Три мужчины, спавшие с НЕЮ в течении ближайших тринадцати недель...

Что тут поделаешь! Если ОНА и была ангелом (как много раз шептал ОН!), то несомненно – падшим. По меркам ушедших в небытие пуританских веков, ОНА – стопроцентная распутница. Да, изменяла любимому! Конечно не регулярно, соблюдая видимость приличия, но и не единожды. Правда, впоследствии испытывала глубокий стыд за блядство и краснела от воспоминаний плотских удовольствий. Но скажите на милость, разве можно было отказать таким великолепным мужчинам?!

Первый — Максим Лавров. Гениальный врач-стоматолог, владелец раскрученной клиники «СтоМакс», прописавшейся в самом центре города. Говорили, что Максим Валерьевич способен собрать зуб из воздуха, а лечение карие-са — не доставляет пациенту ни секунды неприятных ощущений. У же не молодой, но находящийся в прекрасной форме, симпатичный и остроумный интеллигент. Дважды разведенный и имеющий от первого брака взрослую, пятнадцатилетнюю дочь, а от второго — восьмилетнего мальчишку. С бывшими женами доктор сохранил прекрасные отношения, что плодотворно повлияло на детей. Они регулярно общались с отцом и всегда могли рассчитывать на необходимую поддержку.

ОНА познакомилась с *Максом* прошлым летом, во время двухнедельного черноморского круиза на теплоходе «*Изабелла*». Впоследствии, они несколько раз встречались и неплохо проводили время...

Второй — *Денис Вакрафт*. Спортсмен, каскадер, начинающий актер. Изящный красавец с великолепной фигурой и пустой головой. Не слишком умный, но добрый, сильный и обаятельный. На три года *ЕЕ* моложе и на десять лет глупее. *ОНА* познакомилась с парнем месяц назад, в один из тихих вечеров «*Версаля*». В ту же ночь они отправились в номер ближайшей гостиницы... Наутро, восторженный *Ден*, с пламенными словами любви и бокалом французского шампанского, путаясь и петляя в умных словах, умолял девушку выйти за него замуж. Тогда *ОНА* лишь посмеялась...

Третий — *Александр Епишин*, по прозвищу *Рыжий*. Давний коллега и нынешний заместитель директора по маркетингу *ЕЕ* родной компании. Активист, отличник и примерный умница. Знаток человеческих душ прочили *Саше* блестящую карьеру руководителя...

Каждый из мужчин был обеспечен, перспективен и убедителен, как в жизни, так и в постели...

Карты перемещались и складывались, «врезались» друг в друга, вновь тасовались и разлетались. Карты выкладывали на стол сознания наиболее подходящий вариант... Вышло, что *Рыжий*...

На три года старше, чем ОНА, веселый и серьезный

одновременно. Наивный в приватном общении и отдыхе, но жесткий и предельно собранный в делах. Разумно щедрый, достаточно добрый и необходимо умный. Четко определяющий приоритеты и представляющий собственные жизненные цели, при этом — знающий средства для их достижения.

Они познакомились почти пять лет назад. Тогда зеленоглазка — отличница-практикантка с четвертого курса университета, юная и амбициозная, полная волнительных и радостных надежд, устроилась на первую настоящую работу. В то время Рыжый возглавлял отдел VIP — продаж и оказался в роли ЕЕ непосредственного начальника. С первого рабочего дня холостой и привлекательный Александр начал оказывать знаки внимания молоденькой стажерке. Возможно, оказался ОНА достаточно уступчива, пыл мужчины пропал бы после первой проведенной ночи...

Но в те времена ОНА хранила абсолютную верность и даже мысль об измене считала кощунством. При этом не стесняясь флиртowała и внушала понравившимся мужчинам призрак надежды. ОНА была природной кокеткой и эта черта вполне удовлетворяла потребностям зеленоглазки. Даже в самом начале отношений с черноволосым ОНА, безрассудно бросившаяся в настоящую взрослую любовь, не прекращала флиртовать с другими парнями и мужчинами...

Александр ухаживал красиво, дорого и изобретательно.

С ним ОНА почувствовала себя настоящей женщиной...

Зеленоглазка облизала губы, и в этот раз боль доставила удовольствие.

«Значит – Александр!» – подумала ОНА и решительно назвала новый адрес. Водитель послушно крутанул баранку.

Такси мчалось, таксист рулил, пассажирка молчала. Тикали часы на столе у Бога, отсчитывали ушедшие годы и дни...

В это время машина, обгоняя дорожных тихоходов и неумех, проезжала около специализированного мини-маркета сотовых телефонов. Неожиданно для самой себя ОНА велела остановиться. Мужчина беспрекословно подчинился, лишь упомянув о цене вопроса.

ОНА зашла в магазин. Пять минут побродила перед стеклом витрин, мимоходом общаясь с «балаболистой» девчонкой-продавщицей. Новый телефон решила не покупать, но приобрела сим-карту и уродливый, совершенно ненужный силиконовый чехол. Зачем? ОНА не могла ответить однозначно, но перемены (пускай незначительные и сугубо материальные) должны притронуться к каждой из сторон обновленной жизни.

Благополучно доставив пассажирку и вещи, таксист не удержался и язвительно поинтересовался, как скоро ждать вызова. ОНА поблагодарила хама и ядовито ответила, что следующая встреча состоится очень нескоро, а скорее всего – никогда...

Новая дверь, словно портал в неведомое измерение. Вра-

та в другую жизнь. Оставалось вдавить кнопку звонка и броситься в объятия *потенциального мужа*. С актерской убедительностью изобразить страсть, нарисовать любовь, показать желание быть с *нелюбимым*...

Игра принесла успех. Последующие события, объяснения, слезы, признания, заверения, жалобы, глупые вопросы и пустые ответы стерлись из ЕЕ памяти, как ненужное домашнее видео стирается со старой магнитной ленты...

Александр, шокированный неожиданным приездом и окончательно добитый вновь открывшимися обстоятельствами, растеряно согласился...

Ночь накрыла землю дырявым, черным плащом, принесла прохладу, звездопад и мысли с льдистым оттенком грусти. ОНА ощущала равнодушное и спокойное, страшное своей безучастностью и безразличием одиночество. Лежа в сонных объятиях чужого и нелюбимого человека, девушка чувствовала липкую грязь творимого представления. Неконтролируемые слезы медленно стекали по некрашеным щекам и растворялись на губах, распухших от старых ударов и новых поцелуев. ОНА внимательно смотрела на безмятежно спящего, обманутого мужчину и не знала, что делать дальше...

Начало строительных работ. Они собрались возводить

здание общего дома, но лишь ОНА знала, что фундаментом для будущего семейного гнезда служит зыбкая, похожая на смертоносный песок аравийских пустынь, ненадежная лож. Девушка тихонько всхлипнула. ОНА готовилась лгать всю жизнь. Будущему мужу и малышу. Маме, друзьям и коллегам. ЕМУ... Нет! ЕМУ ОНА лгать не станет! Черно-волосый больше не появится в ЕЕ жизни! *Ни-ког-да!*

Выжатая и уставшая. ОНА не знала, сможет ли вынести этот тяжкий груз, все думала, думала об этом и медленно-медленно проваливалась в непознанное царство непредсказуемого шутника Морфея...

Ей снился сон...

ОНА, растворенная в трагическом одиночестве, посреди бесконечного, изумрудно-синего океана. Траурное небо раскинуло над безбрежной гладью серые хлопья скучных облаков. Единственная устойчивая твердь – утлая, почерневшая от времени и непогоды деревянная лодчонка. Да и устойчивость эта весьма относительна...

Плохо проконопаченные швы, из которых торчит клочковатая пакля и белесые кристаллы затвердевшей смолы медленно, но неумолимо пропускают воду. Соленая кровь океана лужицей скапливается на днище, заваленном бурями водорослями, щепой и всевозможным мусором.

ОНА вычерпывает воду. Знает, что рано или поздно суд-

но обратится в плавучий склеп, пойдет ко дну, но продолжает свой методичный труд, похожий на изыскания старика Сизифа. Зеленоглазке кажется, что занятие это не имеет начала и не знает конца. Вся ЕЕ жизнь, от мгновения рождения и до последнего колокола смерти, заключена в круговорот непрерывного единоборства со смертоносной влагой. А берега нет и помощи ждать неоткуда!

Единственное живое существо на тысячи миль вокруг — маленькая, лохматая обезьянка с умными глазками-бусинками цвета содомского грехопадения. Зверьку, скромно примостившемуся

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.